
Л. В. СОКОЛОВА

К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище»

РЕЗЮМЕ

Вопрос о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» является дискуссионным. Этот вопрос занимал многих исследователей с позапрошлого века, выдвигались варианты от конца XIV до середины XVI в. Датировка памятника первой третью XV в., предложенная Л. А. Дмитриевым, критически рассмотрена В. А. Кучкиным. В настоящей статье проанализированы аргументы исследователей, датирующих «Сказание» второй половиной XV, рубежом XV—XVI или первой половиной XVI в.: В. С. Мингалева, Ю. К. Бегунова, М. А. Салминой, В. А. Кучкина, Б. М. Клосса, А. Е. Петрова. По мнению автора статьи, рассмотренные аргументы не имеют безусловной доказательной силы.

Во второй части исследования аргументируется точка зрения, согласно которой «Сказание о Мамаевом побоище» написал Пахомий Серб (Логофет) во время своего первого пребывания в Троице-Сергиевом монастыре (1440—1458 гг.), после создания им «Четвертой Пахомиевской редакции» (по классификации Б. М. Клосса) Жития Сергия Радонежского (1444—1445 гг.), сведения из которой использованы в «Сказании». Авторство Пахомия Серба устанавливается на основании анализа особенностей литературного творчества Пахомия, отраженных в «Сказании». Атрибуция Пахомию объясняет отмечавшиеся исследователями связи «Сказания» с «Сербской Александрией».

Ключевые слова: датировка «Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Сербская Александрия», «Повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 году», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», Троице-Сергиев монастырь, Пахомий Серб, Василий Ярославич Серпуховской.

Lidia V. Sokolova. On the Dating and Authorship of The Story of the Bloody Battle of Mamai

ABSTRACT

The dating of *The Story of the Bloody Battle of Mamai* is a debatable problem. Over the last two centuries, many researchers have showed interest in it. Proposed dates range from the end of the 14th to the middle of the 16th century. L. A. Dmitriev's suggestion to date the text back to the first third of the 15th century has been critically examined by V. A. Kuchkin. This article analyzes arguments put forward by scholars who dated *The Story* back to the second half of the 15th, turn of the 16th, or the first half of the 16th century (V. S. Mingalev, Y. K. Begunov, M. A. Salmina, V. A. Kuchkin, B. M. Kloss, A. E. Petrov). The study shows that those arguments are not quite valid.

In the second part of the study, it is argued that *The Story of the Bloody Battle of Mamai* was written by Pachomius the Serb (Logothete) during his first stay at the Trinity Monastery in 1440—1458, after he had finished the Fourth Pachomian redaction of the Life of St. Sergius of Radonezh (1444—1445), which is reflected in *The Story*. The attribution of *The Story of the Bloody Battle of Mamai* to Pachomius the Serb is based on the analysis of peculiarities of his

© Л. В. Соколова, 2020

DOI 10.31860/0130-464X-2020-67-643-682

literary works found in *The Narration*. Pachomius's authorship explains similarities between *The Story* and the *Serbian Alexandria* observed by the researchers.

Keywords: dating of *The Story of the Bloody Battle of Mamai, Zadonshchina*, Chronicle Story of the Kulikovo battle, *Serbian Alexandria, Story of the Campaign of Ivan III Against Novgorod in 1471, The Story of Life and Death of Grand Prince Dmitry Ivanovich, the Russian Tsar*, Holy Trinity St. Sergius Monastery, Pachomius the Serb, Vasily Yaroslavich of Serpukhov.

Предлагаемые исследователями датировки «Сказания» имеют широкий «разброс»: от конца XIV в. до 30—40-х гг. XVI в. И. Б. Греков датировал «Сказание» 90-ми гг. XIV в.,¹ Л. А. Дмитриев² и согласившийся с ним Р. Г. Скрынников³ — первой третью XV в., М. А. Салмина в статье 1974 г. датировала «Сказание» периодом с 40-х гг. XV в. до конца XV в.,⁴ Ю. К. Бегунов относил время создания «Сказания» на период между серединой и концом XV в.,⁵ В. А. Кучкин в статье 1980 г. высказал мнение, что «Сказание» не могло быть написано ранее второй половины XV в. и датировал его 80-ми гг. XV в.⁶ А. Е. Петров датирует «Сказание» рубежом XV—XVI вв.⁷

В последнее время популярной стала датировка «Сказания» XVI в. С раз-ной аргументацией ее предложили: В. А. Кучкин в статье 1990 г. (нач. XVI в.),⁸

¹ Греков И. Б. 1) О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27—36; 2) Восточная Европа и упадок Золотой Орды : (На рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 433—456.

² Дмитриев Л. А. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. X. С. 185—199; 2) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406—448; 3) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306—359; 4) Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 371—384; 5) 600-летний юбилей Куликовской битвы // Русская литература. 1983. № 1. С. 216—234.

³ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 43—70.

⁴ Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 124.

⁵ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 484—485.

⁶ См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3—21.

⁷ См.: Петров А. Е. 1) К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тез. докл. и сообщ. конф. молодых специалистов РГБ по итогам научно-исследовательской работы за 1992 год. М., 1993. С. 30—31; 2) Проблема датировки «Сказания о Мамаевом побоище» в связи с «Повестью о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» // Румянцевские чтения : К 240-летию со дня рождения Н. П. Румянцева : Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (14—15 апреля 1994 г.). В 2 ч. М.: РГБ, 1994. Ч. 2. С. 49—51; 3) Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги : Сб. статей. М., 1998. С. 110—130; 4) «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник : Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1998. С. 16—17; 5) Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник // Лестница : Мат-лы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии пам. проф. В. П. Макарихина. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (22 мая 2003 г.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2005. С. 209—213; 6) «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54—64.

⁸ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 113—114.

М. А. Салмина в статье 2004 г. (нач. XVI в.),⁹ Б. М. Клосс (1513—1518 гг.)¹⁰ Датировку Б. М. Клосса поддержали В. В. Пенский¹¹ и Д. М. Буланин.¹² Точку зрения В. А. Кучкина и Б. М. Клосса посчитал наиболее убедительной и И. Н. Данилевский.¹³ Еще более поздним временем, чем Б. М. Клосс, ранее датировал «Сказание» В. С. Мингалев (1530-е—1540-е гг.).¹⁴

Критику аргументов Л. А. Дмитриева, датировавшего «Сказание» первой третью XV в., предложил В. А. Кучкин.¹⁵

Рассмотрим аргументы сторонников позднего происхождения этого памятника, датирующих его второй половиной XV, рубежом XV—XVI или первой половиной XVI в.

В. С. Мингалев датировал «Сказание» 1530—1540-ми гг., когда, по его мнению, составлялась Вологодско-Пермская летопись, включающая Летописную редакцию «Сказания»; эту редакцию Мингалев считал первоначальной, поскольку на нее повлияла «Летописная повесть о Куликовской битве». Точка зрения о первичности Летописной редакции «Сказания» является ошибочной,¹⁶ к тому же все три ее списка дошли в составе *третьей* редакции Вологодско-Пермской летописи.

Ю. К. Бегунов указал на зависимость «Сказания» от Жития Александра Невского, а точнее — от II вида Второй редакции Жития, сложившейся одновременно с летописным сводом СЛ, «которую А. А. Шахматов определяет между 1448—1462 гг.». Следовательно, делает вывод Ю. К. Бегунов, судя по тексту Жития Александра Невского, отразившемуся в «Сказании», последнее не могло возникнуть раньше середины XV в. (т. е. конца 40-х—начала 60-х гг.).¹⁷ Кроме того, в Основной редакции «Сказания» епископ Коломенский, встретивший великого князя в 12 км от Коломны, назван Геронтием вместо правильного Герасим. Если окажется, что эта ошибка при-

⁹ Салмина М. А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 251—264.

¹⁰ По мнению Клосса, «Сказание» было написано в 1521 г. епископом коломенским Митрофаном. См.: Клосс Б. М. 1) Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In Memento: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб.: ATHENEUM·ФЕНИКС, 1997. С. 253—262; 2) Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 344—345.

¹¹ Пенский В. В. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 3 (7). С. 22—28.

¹² Д. М. Буланин пишет: «Мои разногласия с Б. М. Клоссом по частным вопросам, касающимся интерпретации текста («Сказания». — Л. С.), не мешают принять за условную точку отсчета именно его датировку». См.: Буланин Д. М. В поисках образца: Александр Македонский на Куликовом поле // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 89, примеч. 1. Благодарю Дмитрия Михайловича за возможность ознакомиться с его статьей до ее опубликования.

¹³ «Судя по всему, наиболее доказательна датировка, предложенная В. А. Кучкиным и уточненная Б. М. Клоссом. По ней, „Сказание“ появилось не ранее 1485 г., скорее всего — во втором десятилетии XVI века». См.: Данилевский И. Н. Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11—15.

¹⁴ Мингалев В. С. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Моск. гос. Историко-архивного ин-та. Т. 24: Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1966. Вып. 2. С. 55—72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГИАИ. М.; Вильнюс, 1971.

¹⁵ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 3—21.

¹⁶ См.: Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». С. 99—107.

¹⁷ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 484—485. Это мнение основано на датировке А. А. Шахматовым общего протографа Софийской 1 и Новгородской 4 летописей, в настоящее время пересмотренной (см. об этом далее).

надлежит не переписчику текста и что автор «Сказания» действительно не твердо помнил имя коломенского архиепископа и спутал его с современным ему коломенским епископом Геронтием (1453—1473), то этот факт сможет послужить материалом для датировки «Сказания».¹⁸

М. А. Салмина в статье 1974 г. вслед за Ю. К. Бегуновым высказала мнение, что «Сказание» было создано в промежутке между серединой XV и началом XVI в., «когда с определенностью можно говорить уже о существовании одного из вариантов Основной редакции памятника — Лондонского». Нижняя граница определена исследовательницей на основании того, что «Летописная повесть о Куликовской битве», явившаяся, как она показала, основным источником «Сказания», была создана, по мнению А. А. Шахматова, в конце 40-х гг. XV в., в общерусском своде 1448 г. — протографе СЛ и НЛ.¹⁹ Однако позднее А. А. Шахматов датировал протограф СЛ и НЛ 30-ми гг. XV в.,²⁰ а в настоящее время А. Г. Бобров²¹ и (без ссылки на А. Г. Боброва) Б. М. Клосс²² пришли к выводу, что протографом этих летописей, включающих «Летописную повесть о Куликовской битве», был свод митрополита Фотия 1418 г. Таким образом, доказанная, на наш взгляд, М. А. Салминой зависимость «Сказания» от «Летописной повести» не мешает датировать «Сказание» временем после 1418 г.

Датировка «Сказания» началом XVI в. в статье М. А. Салминой 2004 г. основана на ее предположении, что под видом Куликовской битвы в произведении описываются события конца XV—начала XVI в., с чем вряд ли можно согласиться.²³

Серьезные аргументы выдвинул **В. А. Кучкин**.

В статье 1980 г. он датировал «Сказание» 80-ми гг. XV в., указав на ряд чтений в нем, не позволяющих датировать его ранее второй половины XV в.²⁴

Рассмотрим вслед за Л. А. Дмитриевым аргументы В. А. Кучкина, на основании которых «Сказание» датируется второй половиной XV в.

1. В «Сказании» названы андожские (в Родословце — андомские) князья, а Андожский (Андомский) удел в составе Белозерского княжества образовался в 20-х гг. XV века.²⁵

Л. А. Дмитриев, возражая В. А. Кучкину по поводу этого аргумента, пишет: «Мы не располагаем достаточно точными данными о времени образо-

¹⁸ Там же. С. 488. Имя «Геронтий» читается только в одном варианте (о) Основной редакции.

¹⁹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1939. С. 153, 184, 212 и след.

²⁰ Там же. С. 151—160, 366.

²¹ Бобров А. Г. 1) Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20, особенно 6—11; 2) Летописный свод митрополита Фотия : (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 98—137, особенно 100—103, 129—137.

²² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110—112, 116—117.

²³ Рецензию на эту статью см.: Бобров А. Г. По поводу статьи М. А. Салминой «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения „Сказания о Мамаевом побоище“» // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 963—967.

²⁴ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 3—21.

²⁵ Там же. С. 7. Есть мнение, что Андомское (Андожское) княжество возникло в 1430-х гг. Последний из Андомских (Андожских) князей упоминается в 1565 г. См.: История родов русского дворянства : В 2 кн. / Авт.-сост. П. Н. Петров. М.: Современник; Лексика, 1991. Т. 1. С. 219—220.

вания ряда мелких удельных княжеств в составе Белозерского и Ярославских княжеств, часть из которых упоминается в „Сказании“ {...}. Но и в том случае, если согласиться с точкой зрения по данному вопросу В. А. Кучкина, то это не противоречит датировке „Сказания“ первой четвертью XV века».²⁶

II. Владимирский Успенский собор назван в «Сказании» «вселенской» церковью; так он мог быть охарактеризован, по мнению В. А. Кучкина, лишь после 1453 г., когда после разгрома Византии турками «пало значение действительно вселенской церкви — собора св. Софии в Константинополе».²⁷ Вот этот фрагмент по Основной редакции: «И начаша ему [Мамаю] сказывати старые татарове, како плѣнили Русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимиръ, и всю Русь {...} и въ Володимерѣ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ».²⁸

Эпитет «вселенская» не употребляется по отношению к *зданию* церкви, пусть даже к «главной» церкви всего православного мира. «Вселенская церковь» в *церковно-терминологическом* значении есть православная Церковь, объединяющая всех истинно верующих. По словам митрополита Филарета, Церковь называется Соборной, или, что то же самое, Кафолической, или Вселенской, «потому что она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов».²⁹ Вселенские соборы — общецерковные съезды представителей высшего духовенства христианской церкви (IV—IX вв.). Слово «вселенский» не обязательно подразумевает действительно вселенский охват, ойкумену, orbis terrarum. Оно может подразумевать определенную, менее масштабную территорию, например территорию конкретного государства. Согласно Н. Ф. Каптереву, «вселенскими» иногда в документах XVII—XVIII вв. называли некоторые земские соборы (например, тот, который избирал на царство Михаила Федоровича).³⁰ Но и здесь слово «вселенский» означает некое *сообщество* (собрание представителей всех слоев населения на определенной территории).

Какое же значение имеет слово «вселенская» в «Сказании»?

Как указал Л. А. Дмитриев, «ни во времена батыевщины, ни позже собор этот (Успенский Владимирский. — Л. С.) не имел значения главной церкви всего православного мира, не стал он таковым и после захвата Константинополя турками» (1453 г.). По мнению Л. А. Дмитриева, «в данном случае определение церкви как „вселенская“ не имеет церковно-терминологического значения, а обозначает понятие — главная, великая церковь Русской земли (с точки зрения жителя Северо-Восточной Руси)».³¹ Успенский собор

²⁶ Дмитриев Л. А. 600-летний юбилей Куликовской битвы // Русская литература. 1983. № 1. С. 221.

²⁷ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7.

²⁸ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25.

²⁹ Филарет, митр. Московский и Коломенский. Пространный Православный Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М.: Сибирская Благовонница, 2013. С. 72.

³⁰ См.: Каптерев Н. Ф. Царь и церковные Московские соборы XVI и XVII столетий // Богословский вестник. 1906. Т. 3. № 10. С. 331. (Земский собор — высшее сословно-представительское учреждение Русского царства с середины XVI до конца XVII в., собрание представителей всех слоев населения (кроме крепостных крестьян) для обсуждения политических, экономических и административных вопросов).

³¹ Дмитриев Л. А. 600-летний юбилей Куликовской битвы. С. 221.

во Владимире исторически, до возвышения Москвы, был главным (кафедральным) храмом Владимиро-Суздальской Руси, в нем венчались на великое княжение владимирские и московские князья.

В Ипатьевской летописи по отношению к Владимирской Успенской церкви употреблено слово «соборная». Здесь под 1183 (1184) г. в рассказе о пожаре во Владимире Успенская церковь характеризуется как «*соборная... златоверхая*»: «В том же лете бысть пожар велик в граде Вьлодимери месяца априля в 13 день, в среду, погоре бо мало не весь город, и князь двор великий сгоре, и церквий числом 32, и *сборная церкви Святая Богородица златоверхая*, и вся 5 верхов златая сгоре, юже бе украсил благоверный князь Андрей...».³²

Термин «соборный» по отношению к зданию храма (церкви) означает, как правило, центральный, кафедральный храм города и монастыря. В крупных городах и религиозных центрах соборов может быть много. Полный состав служителей собора насчитывает 12 священников и одного настоятеля (по аналогии — Христос и 12 апостолов).

Почему же автор «Сказания» употребил по отношению к Успенской церкви определение не «соборная» (как в летописи), а «вселенская»? Возможно, что слово «вселенская» здесь использовано просто как синоним слова «соборная» (оба слова — перевод греческого понятия «кафолическая») по той причине, что автор недостаточно хорошо понимал различие этих терминов (об авторе скажем в конце статьи).

Таким образом, на основании именованя Успенского Владимирского собора «вселенской церковью» нельзя датировать «Сказание» временем после 1453 г. (года падения Константинополя).

III. В начале «Сказания» при описании выступления русского войска против Мамаея отмечено, что митрополит Киприан, благословив Дмитрия Донского на битву, посылает «богосвященный съборъ свой съ кресты и съ святыми иконами и съ священою водою въ Фроловьскыя врата, и в Никольскыя, и в Констянтино-Еленскыя, да всякъ вьинъ благословень изыдетъ и священою водою кроплень».³³ Константино-Еленинские ворота, по мнению В. А. Кучкина, получили свое название между 1476 и 1490 гг.: в летописном известии 1476 г. они фигурируют как Тимофеевские,³⁴ но уже в сообщении 1490 г. называются Константино-Еленинскими.³⁵ Из этого В. А. Кучкин делает вывод, что «Сказание» создано после 1476 г.³⁶

³² ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Фотомехан. переизд.: М., 1962. Стб. 630.

³³ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 32.

³⁴ «Месяца октября 24 часъ дне загореся на Москве внутри града близ врат Тимофеевскихъ, [близъ Костянтина Елены, от Богданова двора Носова и до вечерни выгорел весь...] (ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 304). Заключенный в квадратные скобки текст приводится в Московском своде по Эрмитажному списку, в Уваровском здесь пропуск.

³⁵ «Того же лѣта, повелѣниемъ великого князя Ивана Васильевича, Петрѣ архитектонѣ Фрязинѣ постави на Москвѣ двѣ стрѣльницы: едину у Боровицкихъ воротъ, а другую у Костянтиновихъ Оленскихъ (в Московском летописном своде конца XV в. — Костянтиноеленскихъ), да и стѣну свершилъ отъ Свибловские стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 528). (В Московском летописном своде конца XV в. известие дано, в связи с пропуском части текста, под 1487 г. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 331).

³⁶ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7.

Возражая В. А. Кучкину, Л. А. Дмитриев высказал предположение, что ворота могли одновременно носить двойное название: Тимофеевские (были названы так по имени воеводы Дмитрия Донского, окольного Тимофея Воронцова-Вельяминова, чья усадьба находилась по соседству с воротами³⁷) и Константино-Еленинские (по расположенной рядом церкви Константина и Елены, она упоминается в летописи под 1470 г. в связи с пожаром, возникшим на Подоле вблизи церкви).³⁸ По словам Л. А. Дмитриева, убедительным данный аргумент В. А. Кучкина станет лишь в том случае, если название ворот будет соотнесено со временем создания Константино-Еленинской церкви.

В статье 1990 г., возвращаясь к этому вопросу, В. А. Кучкин настаивает на том, что оба названия в источниках никогда не смешиваются, четко отделяются друг от друга хронологически и, следовательно, имеют датирующее значение. Однако исследователь привел только два упоминания: в одном случае ворота названы Тимофеевскими, в другом — Константино-Еленинскими. В. А. Кучкин при этом уточнил, что в 1485 г. началось строительство новых кремлевских стен. Вместо старых башен появились новые. Исследователь предполагает, что исчезла, очевидно, и Тимофеевская башня, поэтому не случайно, по его мнению, что после 1485 г. ворота называются уже не Тимофеевскими, а Константино-Еленинскими. Поскольку появление Константино-Еленинских ворот было связано с перестройкой Кремля, «Сказание», по мнению В. А. Кучкина, не могло быть написано ранее 1485 г.³⁹ Однако все не так просто.

Перестройка стен и башен Кремля велась постепенно, на протяжении нескольких лет. 29 мая 1485 г. заложили «стрельницу у Шешковых ворот». Через два года, 21 марта 1487 г., Антоном Фрязиным была заложена наугольная круглая башня-стрельница, называемая Беклемишевой. Через год, 27 мая 1488 г., Антон Фрязин заложил Свиблову стрельницу. И только через два года после этого, в 1490 г., Фрязин поставил две стрельницы, одну у Боровитцких, а другую у *Константино-Еленинских ворот*.⁴⁰

Обратим внимание на то, что в сообщении 1490 г. говорится о постройке башни (стрельницы) «у Константиноеленинских ворот» (или «над Константиноеленинскими вороты»⁴¹), то есть к моменту постройки башни (1490 г.) ворота *уже назывались* Константино-Еленинскими. Следовательно, наименование ворот не связано с постройкой башни над ними. То, что при по-

³⁷ На этом основании можно судить о времени их появления в белокаменном Кремле Дмитрия Донского: работы по замене деревянных стен и башен на белокаменные большего периметра были проведены в 1366—1367 гг., в правление молодого князя Дмитрия Ивановича.

³⁸ Дмитриев Л. А. 600-летний юбилей Куликовской битвы. С. 221.

³⁹ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 113—114.

⁴⁰ См. об этом: Бартенев С. П. История постройки [башен и стен Кремля при Иване III] // Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М.: Издание Министерства Императорского двора, 1912. Т. 1. С. 30—32. Электронный ресурс: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003397703/viewer/?page=35

⁴¹ В 1490 г. «Петр архитектор Фрязин поставил две стрелници, едину у Боровитцких, а другую *над Константиноеленинскими вороты*, да и стену съвършил от Свибловские стрелници до Боровитцких ворот» (ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 219).

стройке в XV в. башен над воротами Кремля ворота назывались своим старым именем, подтверждается и сообщением о постройке первой, Тайницкой, башни. В летописи сказано, что в 1485 г., 19 июля, «заложена бысть на реце на Москве стрелница у *Чешковых ворот*, а под нею выведен *тайник*; а делал ее Онтон Фрязин». ⁴² Архитектор предусмотрел внутри на случай осады колодец-тайник и скрытый выход к Москве-реке, в связи с чем башню прозвали Тайницкой. Как видим, ворота, на месте которых при перестройке Кремля была возведена башня со стрельницей, получившая *позднее* название *Тайницкой*, названы своим старым названием — *Шешковые* ⁴³ (ворота белокаменной крепости 1366—1368 гг.).

И самое главное: вопреки мнению В. А. Кучкина, наряду с названием *Константино-Еленинские* ворота продолжали до конца XV в. называться и *Тимофеевскими*. Последнее из известных упоминание ворот как Тимофеевских читается в Духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева, составленной в 1498 г. ⁴⁴ Таким образом, прав Л. А. Дмитриев: ворота, по крайней мере до конца XV в., носили двойное название. Не означает ли упоминание ворот как *Тимофеевских* в Духовной грамоте князя Ивана Патрикеева (официальном документе!), что в 1498 г. ворота *официально* значились еще как Тимофеевские? Константино-Еленинские ворота в конце XVII в. были заложены, а башня из оборонительной превратилась в пыточную.

Вероятно, Константино-Еленинскими ворота стали называться (параллельно с названием Тимофеевские) сразу после постройки Константино-Еленинской церкви около этих ворот. Когда она была построена — точно не известно. ⁴⁵ Скорее всего, во время написания «Сказания» ворота уже именовались Константино-Еленинскими наряду с названием Тимофеевские. Когда произошло официальное переименование ворот из Тимофеевских в Константино-Еленинские, тоже неизвестно. На одном из официальных сайтов сообщается, что указом царя Алексея Михайловича от 16 апреля 1658 г. были переименованы несколько башен, в том числе Тимофеевская, названная официально Константино-Еленинской. ⁴⁶ Однако это утверждение оши-

⁴² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 525.

⁴³ Ворота были названы по двору боярина. В XV в. вблизи стоял двор Чешка, боярина Данила Галицкого, отсюда названия Чешковы, Чушковы, Шешковы ворот. См.: Башни Московского Кремля // <http://cvetamira.ru/bashni-moskovskogo-kremlya>

⁴⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. Ч. 1. Грамота 130. С. 337.

⁴⁵ Церковь неоднократно восстанавливалась: в XVI в. Еленой Глинской, матерью Ивана Грозного, позднее на средства царицы Натальи Нарышкиной, матери Петра I. Во время войны 1812 г. храм был совершенно разорен и предназначен к сносу. Но по решению Николая I в 1837 г. он был возобновлен и вновь освящен. Разобрана же церковь была в 1928 г. по решению правительства «по причине крайней ветхости». В 1989 г. на месте разобранной церкви было построено непримечательное здание Управления КГБ, занимавшегося охраной правительства. О Константино-Еленинской церкви см: <https://kremlin-architectural-ensemble.kreml.ru/architecture/view/konstantina-i-eleny-tserkov>

⁴⁶ «16 апреля 1658 года царь Алексей Михайлович издал указ о переименовании башен московского Кремля. Так, Тимофеевская, именовавшаяся по двору боярина Тимофея Васильевича Воронцова Вельяминова, стала Константино-Еленинской, Свиблова Водовзводной, по установленной внутри нее машине, на которой поднимали воду. Фроловская башня была переименована в Спасскую в честь иконы Спаса Смоленского, помещенной над проездными воротами со стороны Красной площади, и в честь иконы Спаса Нерукотворного, находившейся над воротами со стороны Кремля. Старые названия строго запрещались. И только

бочно. В указе царя Алексея Михайловича от 17 (а не 16) апреля 1658 г. говорилось о переименовании только трех кремлевских ворот, и среди них не было Тимофеевских/Константино-Еленинских.⁴⁷

IV. В статье 1990 г. В. А. Кучкин датировал «Сказание» уже началом XVI в., указав дополнительно на наличие в «Сказании» эпизода, якобы говорящего об отъезде православных князей — братьев Ольгердовичей — от отца-католика. В. А. Кучкин пишет: «„Сказание“ содержит вымышленный эпизод отъезда от отца-католика литовского великого князя Ольгерда его двух православных сыновей Андрея и Дмитрия к московскому князю. Такое объяснение появления Ольгердовичей на Куликовом поле могло возникнуть тогда, когда стала более или менее обычной практика перехода на московскую сторону православных князей, *недовольных распространением католичества в Литовском великом княжестве* (курсив мой. — Л. С.). Последнее связано с именем Иосифа Болгариновича, ставшего в 1498 г. митрополитом Киевским и всея Руси. А уже в апреле 1500 г. начались массовые отъезды к Ивану III князей, ставших терпеть „великую нужу о греческом законе“. Поэтому есть веские основания считать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ появилось в начале XVI в.».⁴⁸

В. А. Кучкин объединяет в своих рассуждениях два разных фрагмента «Сказания», повествующих об Ольгерде. В первом (в речи Олега Рязанского) говорится о католической вере Ольгерда, во втором — о решении Андрея и Дмитрия Ольгердовичей выступить совместно с Дмитрием Ивановичем и другими русскими князьями против Мамаю. При этом ни в одном из фрагментов не говорится об отъезде от «католика» Ольгерда его сыновей по причине притеснения их как православных.

Рассмотрим эти фрагменты.

Фрагмент 1. После сообщения о переправе войск Дмитрия Донского через Оку в варианте О Основной редакции «Сказания» говорится об Олеге Рязанском, который, услышав об идущем на Мамаю с большим войском князе Дмитрие, испуганно произносит: «Горе мнѣ, яко изгубих си умъ, не азъ бо единъ оскудѣх умом, нъ и паче мене разумнѣе Олгордъ Литовский; нъ обаче онъ почитаетъ законъ латыньский Петра Гугниваго, аз же, окаанный,

Боровицкая башня, которую было велено именовать Предтеченской, несмотря ни на какие запреты до наших дней дошла как Боровицкая, то есть построенная на месте небольшого бора или сосновой рощи „боровицы“». См.: История Спасской башни Московского Кремля. Справка. РИА Новости. Электронный ресурс: <https://ria.ru/20080426/105961242.html>

⁴⁷ Приведу текст указа: «226 — Апреля 17. Именный. О переименовании городских ворот в Москве. На Москве в Кремле и в Белом городе ворота писать и называть: в Кремле, которая ворота назывались Фроловскими вороты, и те ворота Спаския; которая назывались Курятными, те Троицкия; которая назывались Боровицкими, те Предтеченския; в Белом городе, которая назывались Трехсвятскими, те Всесвятския; которая назывались Чертопольскими, те Пречистинския, и улица Пречистинская ж; которая назывались Арбатскими, те Смоленския, и улица Смоленская ж; которая назывались Мясницкими, те Фроловския». См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / Под ред. М. М. Сперанского. Т. 1: 1649—1675 гг. СПб., 1830. С. 450—451. Электронный ресурс: <https://www.runivers.ru/lib/book3130/9809>

⁴⁸ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 113—114. С этим соображением согласился Б. М. Клосс, который привел его в комментарии к тексту «Сказания о Мамаевом побоище» (вариант Ундольского). См.: Памятники Куликовского цикла. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 214.

разумѣх истинный закон Божий! Нъ что ради поплъзохся? {...}. Нынѣ убо что сътворих? Вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли, и всея твари, а приложихся нынѣ к нечестивому царю, хотящу попрасти закон Божий!»⁴⁹

Схожее чтение есть в Забелинском списке и в Печатном варианте Основной редакции,⁵⁰ а также в Распространенной⁵¹ и Летописной⁵² редакциях. В Киприановской редакции сама речь растерянного, испуганного Олега есть, но исключены рассуждения о том, что Олег — православный, а Ягайло (здесь действует именно он, как и в «Летописной повести», а не Ольгерд) исповедует закон Петра Гугнивого.⁵³ И это показательно, поскольку Киприановская редакция была создана для включения в Никоновскую летопись (составлена между 1526 и 1530 гг.), она редактировалась по «Летописной повести о Куликовской битве» (более надежному историческому источнику), из нее были убраны смущавшие составителя Никоновской летописи фрагменты. В числе них и утверждение о католичестве Ольгерда (здесь — Ягайла). Редактор-составитель Никоновской летописи (предположительно им был митрополит Московский и всея Руси Даниил), без сомнения, знал, что в латинскую веру Ягайло крестился только 15 февраля 1386 г., через полгода после заключения Кревской унии (14 августа 1385 г.), согласно которой обязывался, в частности, перейти в католицизм и обратиться к нему всех своих братьев, бояр, народ. Поэтому составитель Киприановской редакции и ликвидировал грубую фактическую ошибку.

С какой целью автор «Сказания» приписал Ольгерду латинскую веру? Вероятно, чтобы иметь основание говорить о трех (эпическое число) гонителях христиан: «язычнике» Мамае,⁵⁴ «католике» Ольгерде⁵⁵ и «не снабдѣв-

⁴⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 35.

⁵⁰ Там же. С. 239.

⁵¹ Там же. С. 215.

⁵² Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 91—92.

⁵³ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 59.

⁵⁴ О Мамае в «Сказании» говорится: «Попущением Божиимъ за грѣхы наша, от навождения диаволя въздвижесе князь от вѣсточныя страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣроу, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель» (РНБ, Q.IV.22). В. А. Чивилихин пишет: «По своим религиозно-общественным взглядам Мамай принадлежал к ордену „исмаилитов“, возникшему первоначально как одна из сект шиитского течения ислама. Основной учения „исмаилитов“ было учение о „богочеловеке“ («имаме»)». Подробнее см.: Чивилихин В. А. Память. М.: «Современник», 1983. С. 697—698, 703.

⁵⁵ Источники расходятся в вопросе о том, был Ольгерд язычником или православным. «Хроника Быховца» (третий свод белорусско-литовских летописей, созданный в XVI в., от 1453 г. полностью самостоятельная часть) сообщает, что Ольгерд крестился и принял православное имя Александр еще до женитьбы на Марии Ярославне (т. е. до 1318 г.). Среди других великих князей Ольгерд был внесен в помянник Киево-Печерской лавры как «князь великий Ольгерд, нареченный в св. крещении Дмитрий» (Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. С. I—XIV, 1—88). Известно, что Ольгерд позволил духовнику княгини Марии священнику Нестору вести проповедь, позволил выстроить несколько храмов — два в Витебске и один в Вильне во имя святой мученицы Параскевы (Пятницкая церковь). При этом в начале своего правления по настоянию языческого литовского двора приостановил распространение православия на собственно литовских землях. В 1347 г. по его повелению были казнены трое придворных литовцев, обращенных отцом Нестором в христианство — святые мученики Антоний, Иоанн и Евстафий Литовские (Виленские мученики). В 1371 г. Ольгерд просил константинопольского патриарха о восстановлении особой митрополии на всех литовских землях. Однако в грамотах патриарха Филофея 1370 г. Ольгерд

шем своего христианства» Олеге Рязанском, который «приложихся <...> к нечестивому царю, хотящу попрасти закон Божий». Как будет показано далее, предполагаемый нами автор «Сказания» и в других своих произведениях не заботился об исторической точности и неоднократно искажал исторические факты.

Фрагмент 2. Здесь повествуется о решении братьев Ольгердовичей прийти на помощь Дмитрию Донскому.⁵⁶

В *Основной* редакции говорится о том, что братья Ольгердовичи *были ненавидимы отцом* своим Ольгердом «мачехи ради»: «В то же время слышав князь Андрей Полотский и князь Дмитрей Брянский, Вольгордовичи, яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу Московьскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Беста бо те князи отцом своим, князем Вольгордом, *ненавидими были мачехи ради*, нь ныне Богом възлюбенны бысть и святое крещение приали».⁵⁷ В действительности братья Ольгердовичи приехали на службу к Дмитрию Ивановичу еще в 1377 г., после смерти своего отца, обиженные на то, что Ольгерд завещал свою часть Великого княжества Литовского (Виленскую) Ягайле, сыну от второго брака с тверской княжной Иулианией Александровной (действительно обиженные отцом «мачехи ради»!).

В тексте этого фрагмента содержится намек на то, что росли братья Ольгердовичи в *языческой среде*, каким тогда был двор литовского князя:⁵⁸ «Бѣста бо, аки нѣкѣа класы доброплодна терниемъ подавляеми: жывуци

при его жизни (ум. в 1377 г.) называется «нечестивым», «огнепоклонником» (то есть язычником), «врагом креста», который «погубил и разорил многих христиан» (РИБ. СПб., 1880. Т. 6, ч. 1. Приложения. Стб. 120 (грамота 20), 122 (грамота 21), 168 (грамота 30); То же. 2-е изд. СПб., 1908). Из этого следует, что патриарх Филофей не считал Ольгерда христианином. Герман Вартберг (*Hermann von Wartberge*, ум. в 1380 г.) в «Ливонской хронике» утверждает под 1377 г., что Ольгерд умер язычником и похороны его были совершены по литовскому языческому обряду: «В том же году, в то же время, умер Адьгарден, главный литовский король. При его похоронах, сообразно литовскому суеверию, было совершено торжественное шествие, с сожжением различных вещей и 18 боевых коней». См.: *Вартберг Г.* Ливонская хроника // Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь / Сост. А. Р. Андреев, С. А. Шумов. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. С. 204—291 (Электронный ресурс: <https://www.libfox.ru/98414-12-german-vartberg-livonskaya-hronika.html#book>, с. 12 (дата обращения: 02.08.2019)). Это самый ранний источник, сообщающий о вероисповедании Ольгерда, однако некоторые исследователи отмечают, что католический Ливонский орден немецких рыцарей-крестоносцев (1237—1562), враждующий с Литвой, был заинтересован в том, чтобы Ольгерда считали язычником. Таким образом, источники расходятся в том, был Ольгерд язычником или православным, обе жены которого были православными: Мария Витебская и Иулиания Тверская. Но о том, что Ольгерд был католиком, не сообщает ни один источник, кроме «Сказания», чьи исторические сведения сомнительны.

⁵⁶ В. А. Кучкин подчеркивает, что сообщение об отъезде литовских князей от отца-католика присутствовало уже в первоначальном тексте «Сказания». Он ссылается на текст «Сказания» по *Основной*, *Летописной* и *Распространенной* редакциям (см.: Повести о Куликовской битве. С. 58—59, 92—93, 137—138).

⁵⁷ Повести о Куликовской битве. С. 58.

⁵⁸ В более поздней, *Летописной*, редакции говорится, что братья приняли крещение «от мачехи своея княгини *Анны*» (второй раз Ольгерд женился в 1350 г., его женой стала Иулиания Александровна, жена тверского князя, в иночестве Марина (Марфа)). На самом деле все дети Марии Ярославны и Ольгерда росли на православных русских землях и были крещены по православному обряду (*Ivinskis Z.* Lietuvos istorija iki Vytauto Didžiojo mirties. Rome: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1978. P. 259).

между нечестиа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодита».⁵⁹ Князь Андрей Ольгердович пишет брату письмо с предложением пойти на помощь великому князю Дмитрию, которое начинается так: «Вѣси, брате мой возлюбленный, яко *отець нашъ отверже нас от себе, нъ Господь Богъ, отецъ небесный, паче възлюби насъ и просвѣти насъ святымъ крещениемъ, и давъ намъ законъ свой — ходити по нему, и отрѣши насъ отъ пустошнаго суетиа и отъ нечистаго сътворенна брашенъ*; мы же нынѣ что о томъ Богу въздадимъ? Нъ подвигнемся, брате, подвигомъ добрымъ подвижнику Христу, началнику христианскому, поидемъ, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству. Велика бо туга належить имъ отъ поганыхъ измаилтянъ, *нъ еще и отецъ нашъ и Олегъ Резанскій приложылися безбожнымъ а гонять православную вѣру Христову*. Намъ, брате, подобаетъ святое писание съвршити, глаголющее: „Братие, въ бѣдахъ пособиви бывайте!“ . Не сумняй же ся, брате, *яко отцу противитися намъ, якоже евангелистъ Лука рече усты Господа нашего Иисуса Христа: „Предани будете родители и братиею и умрѣтвуетеся имени моего ради; претрѣпѣвъ же до конца — ты спасется!“ . Изгльземъ, брате, отъ подавляющаго сего трѣнна и присадимся истинному плодовитому Христову винограду, дѣлательному рукою Христовою*. Нынѣ, убо, брате, *подвизаемся не земнаго ради живота, нъ небесныя почести желающе, юже Господь даетъ творящимъ волю его*».⁶⁰

Как видим, в этом фрагменте не говорится об отъезде братьев Ольгердовичей от отца по причине притеснения их как христиан. Андрей пишет брату, что они преданы отцом «мачехи ради»,⁶¹ а Отец Небесный возлюбил их и просветил святым крещением. И он предлагает брату следовать святому Евангелию, призывающему помогать в бедахъ братьям, то есть христианам. При этом то, что им придется выступить против родного отца, он оправдывает словами Христа, цитируя Евангелие от Луки. Таким образом, рассмотренные фрагменты «Сказания» не дают оснований говорить об отъезде братьев Ольгердовичей из Литвы *по причине притеснения католиками православных*, а значит, и нет оснований датировать «Сказание» началом XVI в. Андрей Ольгердович, покинув Литву после смерти отца в 1377 г., вернулся в Литву на Полоцкое княжение в 1381 г. Однако, *выступивъ противъ Кревской унии* (заключенной в 1385 г.) и крещения Ягайло в католичество (в 1386 г.), вновь вынужден был покинуть Полоцкое княжение в 1387 г.⁶²

Обратимся к аргументам **Б. М. Клосса**, который полагает, что «Сказание о Мамаевом побоище» создал Митрофан, епископ Коломенский во время своего пребывания на Коломенской епархии, вероятно, в 1521 г.

1. Исследователь демонстрирует текстологическую связь «Сказания» с Московскими великокняжескими летописными сводами 1477 и 1479 гг. и приходит к выводу о воздействии их на «Сказание». Из этого делается заключение, что «Сказание» не могло быть создано ранее 1479 г.

⁵⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 36.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В «Сказании» явное противоречие: с одной стороны, здесь действует Ольгерд как еще живой князь, а с другой — говорится, что братья преданы отцом мачехи ради, то есть имеется в виду завещание Ольгерда, умершего в 1377 г., в пользу Ягайла, сына от второй жены.

⁶² Андрей Ольгердович был полоцким князем в 1342—1377, 1381—1387 и 1393—1399 гг.

В частности, Б. М. Клосс вслед за А. Е. Петровым (о его аргументах см. далее) сопоставляет последовательность молитвенных обращений к кремлевским святыням Дмитрия Донского в 1380 г. по «Сказанию о Мамаевом побоище» и аналогичные священнодействия Ивана III в 1471 г. по Московскому летописному своду 1479 г. («Повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 году»). Как Дмитрий Иванович, так и Иван III перед походом молятся вначале в Успенском соборе Московского кремля перед иконой Владимирской Богоматери и у гробницы митрополита Петра, после этого молятся в Архангельском соборе кремля перед гробницами похороненных здесь князей, оба затем получают благословение от митрополитов: Дмитрий Иванович от митрополита Киприана, Иван III от митрополита Филиппа.⁶³ Эти сопоставления доказывают, по мнению исследователя, зависимость «Сказания» от Московского летописного свода 1479 г.

Из сопоставления, приведенного Б. М. Клоссом, нужно, как представляется, сделать иной вывод: «Сказание» оказало влияние на «Повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.». Косвенно это доказывает тот факт, что автор «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» сопоставляет поход Ивана Васильевича на Новгород «на отступников православия» с походом Дмитрия Ивановича на «безбожного Мамаю»: «Князь же велики Иван Васильевич, приемь благословение от отца своего Филиппа митрополита и от всѣх епископъ земля своя и от всѣх священник, исходить с Москвы <...> со мною силою, въоружився на противныя, якоже прежде и прадѣдъ его, благовѣрнии велики князь Дмитрей Иванович, на безбожного Мамаю и на богомерзкое того воинство татарское, тако же и сеи благовѣрнии и велики князь Иван на сих отступник. Аще бо христиане нарицахуся, а дѣла их бяху горѣ невѣрных, всегда бо, изменяху, крестное целование преступающе <...>. И тако поиде на них князь велики не яко на христианъ, но яко на иноязычникъ и на отступник православия».⁶⁴ Подобно этому в «Ином сказании», пользовавшемся формулами «Сказания о Мамаевом побоище», прямо сказано: «...и брань зѣло страшна бысть, якоже и на Дону, у великаго князя Дмитрея съ Мамаем». Сборы на врагов — этикетный момент, и Довмонт молитвенно готовится к походу так же, как Александр Невский.

Как видим, автор «Повести» стремится трактовать поход Ивана III на Новгород как поход на неверных, «иноязычников», на отступников православия и тем самым уподобить его походу Дмитрия Ивановича на «безбожного» Мамаю. Это дает основание полагать, что именно автор «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» уподобил молитвенные обращения Ивана III перед походом на Новгород священнодействиям Дмитрия Донского в 1380 г., описанным в «Сказании о Мамаевом побоище».

2. Уточнить датировку «Сказания» помогает, по мнению Б. М. Клосса, и то место в «Сказании», в котором, как он считает, делается попытка прославить род Сабуровых. Речь идет об эпизоде, в котором рассказывается о поиске после окончания сражения великого князя Дмитрия Ивановича. Князь

⁶³ См.: Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище». С. 256—257.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 287. Ср.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV в. СПб., 1999. С. 294—295.

Владимир Андреевич произносит такие слова: «Братия и друзи, рускыя сынове, аще кто жыва брата моего обрящет, тый поистиннѣ пръвый будеть у наю!».⁶⁵ Находят великого князя два воина, Федор Сабур и Григорий Холопищев, но с радостной вестью отправляется к князю Владимиру один Федор Сабур. Претензии о каком-то «первенстве» Сабуровых могли возникнуть, по мнению Клосса, только после 1505 г., когда Василий III (сын Ивана III Васильевича, внук Василия II Васильевича, правнук Василия I Дмитриевича, праправнук Дмитрия Донского) женился на Соломонии Сабуровой, и тем самым Сабуровы породнились с великокняжеской семьей. Этот брак был расторгнут в 1525 г., а Соломония пострижена в монахини. Таким образом, заключает Клосс, «Сказание о Мамаевом побоище», тенденциозно прославляющее род Сабуровых, могло быть создано только в промежутке между 1505 и 1525 гг.

Между тем в «Сказании» «первенство» обещается именно Федору Сабур (тому, кто первым «найдет» князя Дмитрия Ивановича), а не его потомку. Федор Иванович Сабур — родоначальник рода Сабуровых — был костромским землевладельцем. Будучи боярином при великом князе Василии I Дмитриевиче (годы княжения: 1389—1425), старшем сыне Дмитрия Ивановича Донского, Федор Сабур занимал высокое положение. О близости его к великому князю говорит то, что он был свидетелем второй и третьей духовных Василия Дмитриевича.⁶⁶ Именно эту близость Федора Сабур к сыну Дмитрия Ивановича, великому князю Василию I, вероятно, и имел в виду автор «Сказания», а вовсе не женитьбу на Соломонии Сабуровой правнука Василия I — Василия III (годы княжения 1505—1533). Далее попытаемся обосновать создание «Сказания» при жизни Василия II Васильевича (ум. в 1462 г.).

А. Е. Петров датирует «Сказание о Мамаевом побоище» рубежом XV—XVI вв. Эта датировка основана на сопоставлении «Сказания», во-первых, с московской «Повестью о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.» (далее — Повесть), а во-вторых, с «Сербской Александрией» Русской редакции.

I. Аргументы в пользу зависимости «Сказания» от московской «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» А. Е. Петров предложил, сопоставив фрагмент, повествующий о выходе русского войска в поход, в «Сказании» и в Повести.⁶⁷ Отметив сходство двух памятников в этом фрагменте, А. Е. Петров задается вопросом, какой из них имеет более древнее чтение и, соответственно, повлиял на другой. По его мнению, «в тексте рассматриваемого фрагмента Сказания есть ряд недоразумений, которые помогают решить проблему».

1. В «Сказании» Дмитрий Иванович молится в Успенском соборе сначала перед образом Господним, а потом «приступи к чудотворному образу Госпожи царици, юже Лука евангелисть, жывь сый написа».⁶⁸ В «По-

⁶⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 46.

⁶⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 188.

⁶⁷ Петров А. Е. Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник.

⁶⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 32.

вести о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.» Иван III сначала молится перед иконой Владимирской Богоматери, а потом останавливается «пред образом Пречистыа чудотворныа, юже сам чудотворецъ Петръ написал». ⁶⁹ А. Е. Петров полагает, что в «Сказании» образ Владимирской Богоматери «помянут не к месту, так как в 1380 году ее в Москве не было», а вот «при Иване III в Успенском соборе действительно находились как Владимирская (с 1395), так и Петровская (примерно с 1324 г.) иконы Божьей матери». По мнению А. Е. Петрова, автор «Сказания», заимствуя этот эпизод из Повести, «попытался устранить такое, на его взгляд, недоразумение (? — Л. С.), как молитва перед двумя богородичными иконами, и одну из них он заменил на образ Спаса, а насчет другой, вместо „юже сам чудотворецъ Петръ...“, поставил: „юже Лука евангелист...“». ⁷⁰ Между тем икона Нерукотворный Спас не случайно упоминается в данном эпизоде «Сказания»: 16 августа (то есть во время подготовки к Куликовской битве) — празднование в честь Спаса Нерукотворного. Кроме того, Нерукотворный Спас был изображен на главном знамени великого князя. ⁷¹

Исследователи «Сказания о Мамаевом побоище» рассматривают упоминание иконы Владимирской Богоматери как анахронизм, сознательно допущенный автором, который и в других случаях сознательно отступал от исторических фактов (см. об этом далее). Автору важно было связать одержанную в Куликовской битве победу именно с древнейшей чудотворной иконой Богородицы — Владимирской. Интересно и важно, что в «Сказании» говорится о написании Владимирской иконы евангелистом Лукой. По мнению Б. М. Клосса, об этом впервые говорится в «Повести о Темир-Аксаке», ⁷² но не в первоначальной редакции, написанной, по его мнению, Епифанием Премудрым для Троицкой летописи, ⁷³ а в редакции, составленной, по мнению того же исследователя, Пахомием Логофетом для Московского свода 1477 г. (источник свода 1479 г.); здесь в заглавии впервые сообщается, что Владимирскую икону написал евангелист Лука. ⁷⁴ Во второй Пахомиевской редакции «Повести о Темир-Аксаке», созданной между 1477 и 1480 гг., уже читается сказание о написании Владимирской иконы апостолом Лукой. ⁷⁵ Эта редакция повести получила наибольшее распространение в списках; вошла в состав Великих Четвх Миней митрополита Макария. ⁷⁶ Далее мы постараемся обосновать создание «Сказания» во второй половине 1440-х—начале

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 287. Ср.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. Т. 7. С. 294.

⁷⁰ Петров А. Е. Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник. С. 211.

⁷¹ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция: Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 393.

⁷² Повесть о Темир Аксаке / Подгот. текста, пер., комм. В. В. Колесова // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 236, 238.

⁷³ Клосс Б. М. Повесть о Темир-Аксаке // Избранные труды: в 2-х т. М., 2001. Т. 2. С. 63—66.

⁷⁴ Там же. С. 91—92.

⁷⁵ Там же. С. 93—105.

⁷⁶ О Владимирской иконе и произведениях, ей посвященных, см.: Щенникова Л. А. Владимирская икона Божией матери // ПЭ. М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 8—38. О Повести (сказании, слове) о чудесном спасении Москвы заступничеством Богоматери «чудотворныа ради Ея иконы Владимирской» см. на с. 13—14.

1450-х гг. XV в. Если это действительно так, то можно будет говорить о том, что о написании Владимирской иконы евангелистом Лукой впервые сказано в «Сказании о Мамаевом побоище», а затем повторено в двух Пахомиевских редакциях «Повести о Темир-Аксаке». Далее будет высказано предположение о том, как связаны упоминания о написании Владимирской иконы Божией матери в «Сказании» и в «Повести о Темир-Аксаке».

2. В «Сказании» и в Повести о походе Ивана III на Новгород есть сцены благословения государей митрополитами. По мнению А. Е. Петрова, в данном случае «несуразность состоит в том, что в Сказании упомянут митрополит Киприан, благословивший князя». Однако его в 1380 г. в Москве не было, тогда как митрополит Филипп действительно напутствовал Ивана III в Новгородский поход. «Следовательно, — делает вывод исследователь, — митрополичье благословение раньше появилось под пером автора Повести, а составитель Сказания задействовал митрополита Киприана в своем произведении, подчиняясь логике текста Повести».⁷⁷

Фигура Киприана появилась в «Сказании» далеко не случайно. Он играет не последнюю роль в «Сказании» уже в Основной редакции, а в Киприановской редакции особо подчеркнута его роль и заслуги в организации Куликовского сражения. Действительно, как давно уже отмечено, в 1380 г. Киприана не было в Москве; это анахронизм, сознательно допущенный автором «Сказания» с целью подчеркнуть роль церкви во главе с митрополитом в подготовке выступления русского войска против Мамаю. Автор же Повести о походе Ивана III на Новгород, «подчиняясь логике текста» «Сказания», ввел в свое произведение благословение митрополитом Филиппом Ивана III перед походом на Новгород.

3. Еще один аргумент А. Е. Петрова касается слова «прародители»: «Так, по тексту Сказания,⁷⁸ в церкви Архангела Михаила князь „приступы к гробом православных князей прародитель своих.“ Но ведь при Дмитрие Донском в Архангельском соборе было всего четыре захоронения, древнейшее из которых принадлежало Ивану Калите — деду Дмитрия. Слово же „прародитель“ имеет в древнерусском языке вполне четкое значение: далекий предок, родоначальник (А. Е. Петров ссылается на Словарь И. И. Срезневского⁷⁹). Отец, дед и прадед — это еще не прародители. По крайней мере, в древнерусской письменности для обозначения ближайших предков использовались слова: отец, дед, праотец, прадед. Когда же речь идет о „прародителе“, то предполагается значительно более далекий предок. (...) Русская княжеская традиция предполагала, что основатель рода, т. е. прародитель, жил шесть поколений назад. (...) Таким образом, в Сказании упоминание о прародителях является нелогичным и свое объяснение находит только при сопоставлении его с соответствующим местом из Повести: „Приходит же

⁷⁷ Петров А. Е. Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник. С. 210—211.

⁷⁸ «Сказание» цит. А. Е. Петровым по Основной редакции. См.: Повести о Куликовской битве. С. 52—54.

⁷⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1372. Здесь слово «прародитель» толкуется как «предок»; в приведенных примерах слово прародитель означает родоначальник, далекий предок. Это лишь одно из значений слова «прародитель» (см. об этом далее).

паки в той же церкви к гробомъ прародитель своих, лежащих ту великих князей <...>“ И действительно, ко времени Ивана III в Архангельском соборе было уже около десяти захоронений, а самого государя разделяло с Иваном Калитой пять поколений». ⁸⁰

Сравним этот отрывок по «Сказанию» и Повести.

«Сказание» Основной ред.	Повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.
<p>Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим, съ княземъ Владимиром Андрѣевичем, поиде въ церковь небеснаго вьеводы архистратига Михаила и бьеть челом святому образу его, и потом приступи къ гробомъ православных князей, <i>прародителей своих</i>, и тако слезно рекуще: «Истиннии хранители, русскыя князи, православныя вѣры христианскыя поборьници, <i>родители наши!</i> Аще имате дръзновение у Христа, то нынѣ помолитесь о нашем унынии, яко велико въстание нынѣ приключися нам, <i>чадом вашим</i>, и нынѣ подвизайтесь с нами» (с. 32). ⁸¹</p>	<p>Приходит же паки в той же церкви къ гробомъ <i>прародитель своих</i>, лежащих ту великих князеи Володимерьских и Новгородских и всеа Руси, <i>от великого князя Ивана Даниловича и до отца его великого князя Василья</i>, моля их и глаголя: «Аще духомъ далече есте отсюда, но молитвою помозите ми на отступающих православья дръжавы вашеа» (с. 287). ⁸²</p>

Как видим, в «Повести о походе Ивана III на Новгород» к «прародителям» отнесены *все князья*, погребенные к тому времени в Архангельском соборе: от великого князя Ивана Даниловича (Калиты) *до отца* Ивана III, великого князя Василия II. Это противоречит утверждению А. Е. Петрова, что «отец, дед и прадед — это еще не прародители». Этому утверждению противоречат и данные «Словаря русского языка XI—XVII вв.», где слово «прародители» (мн. число) толкуется как «предки; деды, прадеды». ⁸³

В «Сказании» Основной редакции, признанной первоначальной, «прародителями» названы князья, похороненные к тому времени в Архангельском соборе: к 1380 г. в Архангельском соборе были похоронены Иван I Калита и три его сына: удельный князь Серпуховской и Боровский Андрей Иванович (ум. 1353), великий князь Московский Семен Иванович Гордый (ум. 1353) и

⁸⁰ Петров А. Е. Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник. С. 210.

⁸¹ Цит. по: Сказания и повести о Куликовской битве.

⁸² Цит. по: ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. Ср.: БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 294.

⁸³ «Словарь русского языка XI—XVII вв.» дает следующие значения слова прародитель: 1) основатель рода, праотец; 2) прародители (об Адаме и Еве); 3) *мн.* предки; *деды, прадеды*. Последнее значение иллюстрируется, в частности, следующим примером из грамоты XV в.: «Се дал посадникъ новгородкки Иван Лукиничъ <...> святому Николе в домъ землю свою <...> *прародителемъ и родителемъ своим*, и роду и племени своему, и собѣ на память» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 173). См.: «Словарь русского языка XI—XVII вв.». М., 1992. Вып. 18. С. 137.

великий князь Московский Иван Иванович Красный (ум. 1359). Таким образом, двоюродные братья — Дмитрий Иванович Московский и Владимир Андреевич Серпуховской — молились у гробницы своего общего деда Ивана Калиты и у гробниц своих отцов: Ивана Ивановича (отца Дмитрия Донского) и Андрея Ивановича (отца Владимира Андреевича Серпуховского). Автор «Сказания» вкладывает в уста молящихся князей слова: *«родителие наши!»*, *«нам, чадам вашим...»*. Как видим, в число «прародителей» включен не только общий дед князей, но и их отцы, к которым они, «чада», обращаются в молитве. Следовательно, судя по контексту, слово «прародители» означает в «Сказании», как и в «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году», просто «умершие предки по прямой линии, начиная с отца и деда».

Итак, слово «прародитель» в «Сказании» не может служить, по нашему мнению, достаточным основанием для утверждения о зависимости «Сказания» от «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году».

4. А. Е. Петров указывает, что, в отличие от «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.», в «Сказании» «пропущен» эпизод посещения князем Чудова монастыря (основан в 1365 г.). Исследователю это представляется странным. По его мнению, «не упомянуть эту обитель и тем самым отступить от диктуемого Повестью сюжета автор Сказания мог только в одном случае: если во время составления данного памятника монастырь не функционировал». Таким временем, по словам А. Е. Петрова, был период с 1493 по 1501 г., когда после опустошения в результате пожара Чудов монастырь не действовал.⁸⁴ На этом основании исследователь датирует «Сказание»: «наиболее вероятным временем возникновения Сказания было восьмилетие с 1493 по 1501 г., когда не функционировал Чудов монастырь».⁸⁵

В данном случае А. Е. Петров, *ставя целью* обосновать первичность Повести по отношению к Сказанию, априори *исходит из как бы уже известного*, не требующего доказательств положения о вторичности «Сказания» по отношению к Повести. То, что нужно доказать, является основанием для доказательства другого положения — датировки «Сказания». Между тем «неупоминание» в «Сказании» Чудова монастыря, который, по Повести, посетил Иван III перед походом на Новгород, вполне понятно. По «Сказанию», Дмитрий Иванович вместе с Владимиром Андреевичем и всем войском посещает Троице-Сергиев монастырь, куда едет за благословением Сергия Радонежского. Автор Повести, следуя при описании молитвенных действий Ивана III за «Сказанием», но, учитывая другие обстоятельства и менее масштабное описываемое им событие, вносит сообщение о посещении Иваном III находившегося в Кремле Чудова монастыря, где князь молится архангелу Михаилу и у чудотворных мощей митрополита Алексея.

Взаимосвязь между «Сказанием» и «Повестью о походе Ивана III на Новгород» была, по нашему мнению, противоположной той, какую указывает А. Е. Петров, а именно «Сказание» повлияло на Повесть. Об этом свидетельствует, как уже было сказано, то, что автор Повести демонстративно сопоставляет поход Ивана III на Новгород с походом московского князя

⁸⁴ Петров А. Е. Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник. С. 211.

⁸⁵ Там же. С. 212.

Дмитрия Ивановича на «безбожного» Мамаю. Новгородцы характеризуются автором «отступниками христианства», поэтому «*поиде на них князь велики не яко на христианъ, но яко на иноязычникъ и на отступникъ православия*». ⁸⁶ Вероятно, желая лишний раз подчеркнуть это сопоставление, оправдывающее поход Ивана III на новгородцев, автор Повести и создает фрагмент о молитвах Ивана III перед кремлевскими святынями.

Победа Ивана III над новгородцами в «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» толкуется летописцем как чудо, поскольку небесные силы выступают на стороне великого князя; возможно, этот мотив также заимствован автором Повести из «Сказания о Мамаевом побоище».

II. Позднее происхождение «Сказания», по мнению А. Е. Петрова, доказывает тот факт, что якобы «Сербская Александрия» Русской редакции оказала существенное влияние на текст «Сказания о Мамаевом побоище», в том числе на текстологическом уровне. Это, по мнению исследователя, не могло произойти ранее последнего десятилетия XV в. (так датируется исследователями Русская редакция «Сербской Александрии»⁸⁷).⁸⁸

А. Е. Петров приводит сопоставления отдельных фрагментов «Сербской Александрии» и «Сказания» с целью показать текстуальную зависимость чтений «Сказания» от чтений «Сербской Александрии». Однако вряд ли можно говорить о заимствованиях автором «Сказания» из «Сербской Александрии» на *текстологическом* уровне. Сопоставляются, например, такие чтения (второе сопоставление у А. Е. Петрова):

«Сербская Александрия»	«Сказание о Мамаевом побоище»
Сие рек Александр, <u>на великого своего коня всед</u> и шелом на главу свою положив, воинство свое на три части раздели и уряди...	И <u>вседе на избранный свой конь</u> и взял копие свое и палицу железную и подвижеса ис полку...

Общее здесь — факт посадки на коня. А. Е. Петров сам признает, что данный фрагмент «имеет аналоги в иных русских воинских повестях и вполне может быть причислен к числу „общих мест“ <...> для русских воинских повестей».

Текстуальных совпадений между «Сказанием» и «Сербской Александрией», по нашему мнению, нет.⁸⁹ Однако интересны отмеченные А. Е. Петровым *сюжетные сходства*: 1) в Александрии Филон отговаривает Александ-

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 287. Ср.: Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV в. СПб., 1999. С. 294—295.

⁸⁷ См.: *Ванеева Е. И.* 1) О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 152—161; 2) Александрия Сербская // Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 21—25.

⁸⁸ *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище».

⁸⁹ Это же мнение высказал Д. М. Буланин в статье «В поисках образца: Александр Македонский на Куликовом поле»: «Нельзя сказать, чтобы все аргументы исследователя обладали равной доказательной силой: ни в одной из приведенных в статье параллелей не отыскивается буквального совпадения сопоставляемых текстов, неоднозначны также предлагаемые сопоставления ситуаций и поворотов сюжета» (*Буланин Д. М.* В поисках образца... С. 89).

ра биться с Пором самому, поскольку Пор неровня завоевателю Вселенной (в «Сказании» русские воеводы отговаривают Дмитрия «наперед» биться);⁹⁰ 2) использование засадного полка; ни один из более древних, нежели «Сказание», источников о Куликовской битве не сообщает о выделении засадного полка в русском войске; 3) эпизод с переодеванием Александра Македонского (ср. переодевание Дмитрия Ивановича); 4) поединок Александра с Пором и поединок Пересвета с печенегом; 5) исследователем сопоставляется также фрагмент «Сербской Александрии», повествующий о благословении Александра во сне пророком Иеремией, с фрагментом «Сказания», рассказывающим о благословении Дмитрия Ивановича в Троицком монастыре Сергием. Но это сопоставление неубедительно.

Сцены поединков Александра с Пором и Александра Пересвета с «печенегом» в «Сказании» обнаруживают известное сходство. Но сам А. Е. Петров отмечает, что и этот сюжет может быть отнесен к числу обычных для жанра воинской повести (в ПВЛ подобные сюжеты встречаются дважды). Исследователь при этом обращает внимание читателей на то, что в поединках «Александрии» и «Повести временных лет» схватка богатырей замещает собой само сражение, поэтому поединку предшествует тщательное отговаривание условий — что ждет победителя и побежденных. В «Сказании» этого не происходит: схватка возникает как будто не из чего — сама собой, завершается гибелью обоих воинов, а сражение идет своим чередом. По моему мнению, это важное наблюдение свидетельствует о том, что эпизод поединка Пересвета в «Сказании» является вымыслом автора, сочиненным по литературным образцам.⁹¹

Между тем зависимость «Сказания» от «Сербской Александрии» не подлежит сомнению. Автор «Сказания» напрямую заявляет о своем знакомстве с текстом «Александрии». Так, он сравнивает русское войско с войском Александра Македонского. Самое же важное — это сравнение Михаила Бренка с литературным героем именно «Сербской Александрии» — приближенным персидского царя Дария Ависом, который был готов пожертвовать своею жизнью за жизнь Дария.⁹² Любимец Дария Авис упоминается только в «Сербской Александрии»⁹³ (в Хронографической Александрии, переведен-

⁹⁰ Более убедительно наблюдение Д. М. Буланина, который по поводу приведенного сопоставления пишет: «Полагаю, что в этой редакции (Основной редакции «Сказания». — Л. С.) есть еще один прозрачный намек на „Сербскую Александрию“, на который до сих пор не обратили внимания. Мамай, отвечая своим союзникам Ольгерду и Олегу Рязанскому, заверяет их, что не нуждается в их помощи. С московским князем биться не придется, считает он, потому что тот испугается одних Мамаевых угроз: „Мне убо царю достоить победити царя, подобна себе, то мне подобает и дозветь царьскаа честь получитьи“» (Там же).

⁹¹ Доказательство того, что эпизод с поединком богатырей в «Сказании» является вымыслом автора, знающего подобные сюжеты по ПВЛ, см. в статье: *Соколова Л. В.* Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России : [К 700-летию преподобного Сергия Радонежского] : Мат-лы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.) / Под ред. Л. В. Соколовой. Ярославль: ИД «Канцлер», 2016. С. 62—89.

⁹² См.: Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). Примечания // Памятники Куликовского цикла. С. 216, 220.

⁹³ Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965. Примеч. 112. С. 239; *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 60.

ной на Руси в XII—XIII вв. и читающейся в Летописце Еллинском и Римском, имени Ависа нет).

Считается, что Сербская Александрия стала распространяться на Руси только в конце XV в., при этом ссылаются на старший список, переписанный Ефросином в Кирилло-Белозерском монастыре в 1491 г. Однако Ефросиновские редакции, как правило, являются уже переработками существовавших до этого произведений. И когда именно «Сербская Александрия» появилась на Руси, судить по Ефросиновскому списку невозможно. Кроме того, автор «Сказания» мог знать «Сербскую Александрию» по южнославянским спискам (южными славянами она была переведена с греческого в XIII—XIV вв.). Наше представление об авторе «Сказания» подтверждает это предположение (см. об этом далее).

Итак, рассмотренные аргументы сторонников позднего происхождения «Сказания» (вторая половина XV—первая треть XVI в.) не являются, по нашему мнению, неопровержимыми.

* * *

Изложим свою точку зрения по вопросу датировки и авторства «Сказания о Мамаевом побоище».

Казалось бы, аргументом поздней датировки «Сказания» служит то, что в «Сказании» есть вставки из «Задонщины», самый старший список которой (К-Б) датируется 1475 г. Именно этот факт дал основание исследователям априори считать «Задонщину» более ранним по сравнению со «Сказанием» произведением. Однако вставки из «Задонщины» в «Сказание» не могут служить доказательством вторичности «Сказания» по отношению к «Задонщине». Все вставки, по нашему мнению, сделаны не в авторский текст «Сказания», а позднее, они вносились не только в протограф дошедших редакций «Сказания», но и после этого в более поздние редакции и отдельные списки.⁹⁴

Более того, текстологическое сопоставление некоторых фрагментов «Сказания» и «Задонщины» дает основание считать, что «Сказание» создано до «Задонщины». Доказательством этого служит то, что автор поэтической «Задонщины» лишь намекает на те эпизоды битвы, о которых подробно рассказывается в «Сказании», и только поэтому намеки эти были понятны читателям «Задонщины». Приведу примеры.

1. В «Сказании» говорится о том, что Дмитрий Иванович взял с собой в поход десять московских гостей-сурожан «видиния ради, аще [что] Богъ случит ему, имуть повѣдати в далних землях».⁹⁵ Именно это сообщение «Сказания» автор «Задонщины» поэтически преобразовал в список городов, к которым неслась весть о победе русских в Куликовской битве: «Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ (правильное чтение «рознымъ» — разным) землям: шибла слава к Желѣзнымъ вратом (в У далее: кь Караначи), к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царю-

⁹⁴ См. об этом подробнее в статье: *Соколова Л. В.* Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? : (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 101—121.

⁹⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. С. 157.

граду, на похвалу: „Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ!“» (И-1, л. 219 об.).⁹⁶ В Пространной редакции «Задонщины», отразившей в данном случае первоначальный текст произведения,⁹⁷ упомянуты города, с которыми купцы-сурожане имели самые тесные экономические связи. Эти города представляли собой ключевые пункты на торговых путях Московского государства как на восточном, азиатском, направлении, так и на западном, европейском. На то, что перечисленные в Пространной редакции города символизируют определенный *путь, по которому идет слава*, указывают слова «по морю» («к Кафы по морю») и «оттоле» («оттоле к Царюграду»). Начиная путь с низовьев Дона, в районе которого проходила Куликовская битва, московские гости-сурожане, входившие в войско Дмитрия Ивановича, распространили, по мысли автора «Задонщины», славу о Куликовской битве и в направлении востока (к крупным транзитным торговым центрам — Железным вратам, то есть Дербенту, и «Караначу»-Орначу, то есть Ургенчу), и в направлении юго-запада: от низовьев Дона через Кафу, то есть Феодосию (торговую факторию генуэзцев в Крыму), к Тырново, с которым у Руси были тесные культурные связи, и далее — к Царюграду (Константинополю) и Риму.

Сообщение «Сказания» о том, что Дмитрий Иванович взял с собой в поход десять гостей-сурожан, дабы они поведали в дальних краях о битве, автор «Задонщины» преобразовал в поэтическую картину шествующей вести-славы о победе русских в Куликовской битве и на восток, и на запад. Невозможно, на мой взгляд, обратное влияние — «Задонщины» на «Сказание». Трудно допустить, что слова о славе, которая «шибла» в разных направлениях, автор «Сказания» превратил в сообщение о том, что Дмитрий Иванович взял с собой в поход гостей-сурожан, назвав их всех по именам. По мнению исследователей, вопреки сообщению «Сказания», гости-сурожане были взяты в поход (если это соответствовало действительности) не ради распространения славы о походе. Академик А. А. Шахматов полагал, что «великий князь взял с собою московских гостей-сурожан, быть может, для возможных дипломатических поручений».⁹⁸

2. В «Сказании» подробно описывается история засадного полка, решившего исход сражения. В «Задонщине» этот рассказ отразился во фрагменте, начинающем вторую, победную, часть этого произведения: «Того же дни в субботу на Рожество святяга Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. *И нукнув князь Владимиръ Ондръевич (...)* гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвъчиваше. *Гремят мечи булатныа о шеломы хыновские*».

Как видим, без текста «Сказания» трудно понять, что речь здесь идет о выезде на поле боя засадного полка в решающий момент сражения. А. А. Шахматов писал по этому поводу: «Мы не можем допустить, чтобы

⁹⁶ Список «Задонщины», ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (условное обозначение его И-1), цит. по: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 543.

⁹⁷ Обоснование этого см. в статье: Соколова Л. В. Куда «шибла слава» о Куликовской битве? : (К вопросу о «списке городов» в Пространной и Краткой редакциях «Задонщины») // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 173—191.

⁹⁸ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». (СПб., 1906) // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 175.

Сказание и летопись (т. е. летопись Дубровского. — Л. С.) заимствовали [этот] эпизод из Поведания (т. е. «Задонщины». — Л. С.). И далее обосновывает первичность версии «Сказания».⁹⁹

Автор *поэтического* произведения — «Задонщины» — лишь намекает на факты, хорошо известные читателям по подробному изложению их в повествовательном произведении — «Сказании о Мамаевом побоище». Трудно согласиться с противоположным мнением, будто «этот довольно расплывчатый намек древнего рассказа о Куликовской битве (т. е. «Задонщины». — Л. С.) расшифровывается благодаря источнику более позднему — „Сказанию о Мамаевом побоище“». ¹⁰⁰ Это же мнение высказал и другой исследователь: «„Сказание о Мамаевом побоище“ подтверждает и раскрывает в подробностях свидетельство, которое присутствует в „Задонщине“ в виде намека». ¹⁰¹ Исследователи исходят в данном случае из априорного и устоявшегося представления о первичности «Задонщины» по отношению к «Сказанию».

Если учесть, что эпизод с засадным полком был навеян автору «Сказания» «Сербской Александрией», то следует признать, что в «Задонщине» этот эпизод носит вторичный характер.

3. В «Задонщине» наряду с Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем прославляются братья Ольгердовичи: «О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Вольньскому! Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли». И далее приводится диалог братьев Ольгердовичей: «Молвяше Андрѣи Олгордович своему брату: „Брате Дмитреи, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы храбрых удалцов, а сами сядем на добрые кони своя и посмотрим быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиць немецких о боеданы бусорманские“. И рече ему Дмитреи: „Брате Андрѣи, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. <...> Сѣдлаи, брате Андрѣи, свои доброй конь, а мои готов, осѣдлан. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати“». ¹⁰²

В «Сказании» подробно и совсем иначе разработан этот эпизод, а кроме того, здесь Ольгердовичи явно выдвинуты на первый план, их приезду придается невероятное большое значение.

А. А. Шахматов пишет: «Мы знаем, что Поведание (т. е. Задонщина. — Л. С.) сильно повлияло на Сказание, но не допускаем, чтобы эпизод о прибы-

⁹⁹ Понимая первичность этого и других фрагментов в «Сказании» по сравнению с «Задонщиной», но в то же время придерживаясь традиционной точки зрения на то, что в «Сказании» есть вставки из «Задонщины», А. А. Шахматов предположил общий источник «Сказания», «Задонщины» («Поведания») и Летописи Дубровского («Московской летописи»). См.: Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго... С. 179—180.

¹⁰⁰ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 19.

¹⁰¹ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения. С. 67.

¹⁰² Список «Задонщины», РГБ, собр. Ундольского, № 632 (условное обозначение У), цит. по: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 536—537.

тии Ольгердовичей к Дмитрию был заимствован в Сказание из Поведания. Во-первых, он изложен в Сказании обстоятельно и с известным знанием обстановки, окружавшей Ольгердовичей (в примечании Шахматов поясняет: упомянута их мачеха Анна; упомянуты «медокормцы» из Северы, привезшие Дмитрию известие о том, что Мамай уже на Дону); во-вторых, как отмечено С. К. Шамбинаго, эпизод о прибытии Ольгердовичей тесно связан с другими эпизодами, где они появляются в Сказании, оснований же для включения в Сказание тех эпизодов Поведанием (т. е. Задонщиной. — Л. С.) не дано; в-третьих, предположение о том, что один из эпизодов, где фигурируют Ольгердовичи, заимствован в Сказание из Поведания, не объясняет главного — тенденции, проявленной Сказанием к особому прославлению Ольгердовичей».¹⁰³

4. Эпизод присутствия на поле боя Пересвета и Осляби также убеждает в первичности версии «Сказания», причем эпизод поединка Пересвета с богатырем печенегом (татаринном) в «Задонщине» опущен. В Пространной редакции «Задонщины» оба брата названы чернецами, но при этом Пересвет сражается не в монашеской схиме, как в «Сказании», а «посвельчивает» позолоченным «доспехом». Перед смертью на поле боя он беседует с Дмитрием Ивановичем и со своим братом Ослябей, который предрекает ему смерть: «Пересвѣта чернеца брянского боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичу: „Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татарь“. Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣльчивает — а иные (вместо «поганыи»?) лѣжат посечены у Дуная великого на брезѣ. И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвѣту старцу: „Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоем раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоеи на траву ковыль а чаду *твоему* (в И-1 и К-Б вторично — *моему*) Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Напряде за вѣру крестьяньскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича“». (У, л. 183—184).

Кто такой «Ияков» — по спискам «Задонщины» неясно. В списке У он назван сыном Пересвета, в списках И-1 и К-Б — сыном Осляби, а в списке С — это имя самого Пересвета. Вероятно, имя Иакова заимствовано автором «Задонщины» (как и имена Пересвета и Осляби) из «Сказания о Мамаевом побоище», где в варианте О Основной редакции (см. список РНБ, О.IV.22) Пересвет перед поединком с богатырем из войска Мамаю, предчувствуя свою гибель, произносит слова прощания: «Отци и братиа, простите мя грешнаго! Брате Андрей Ослебя, моли Бога за мя. *Чаду моему Иякову* мир и благословение».

Как видим, Пересвет через Ослябю посылает перед смертью благословение сыну. При этом в некоторых вариантах Основной редакции «Сказания» в числе воинов, посланных в поле в первом сторожевом (разведывательном)

¹⁰³ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго... С. 178—179. Перечислив все упоминания Ольгердовичей в «Сказании», А. А. Шахматов констатирует: «Составитель Сказания точно не желает забыть об этих Ольгердовичах и находит возможность сказать о них и там, где для этого не дано никакого повода...» (Там же. С. 177).

отряде, называется Яков Ослебятев.¹⁰⁴ Это имя присоединено, по всей вероятности, позднее к первоначальным трем именам: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика (так в Киприановской редакции). В Печатном варианте Основной редакции вторичное чтение: Родиона Ржевска, Якова Андреева сына Усатого (контаминация двух имен: Якова Ослябатева и Андрея Волосатого), Василья Тупика. Так же в Распространенной редакции: Родион Ржевский, Яков Ондреевич Усатый, Василий Тупик. Вторая «сторожа» тоже включала трех воинов: Климента Полянина, Ивана Святослава и Григория Судокова (Судока), что косвенно свидетельствует о том, что первоначально и в «первой стороже» назывались три имени.

Автор «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания», решил, что Иаков участвовал в Куликовской битве и тоже погиб, как и Пересвет. В списке У Пространной редакции читаем: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтъти главе твоеи на траву ковыль, а (в значении присоединительного союза «и»?) чаду твоему Иякову *лѣжати* на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Напряде за вѣру крестьянскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича». По списку же И-1 Иаков — сын Осляби, и он не гибнет; здесь читается странная фраза: «Брате Пересвѣт, вижу на тѣли твоём раны, уже головѣ твоеи лѣтъти на траву ковыль, а чаду *моему* Якову на ковыли земли *не лежати* на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича». Если ему «не лежати на поли Куликовѣ», то зачем он упоминается? Итак, упоминание Иакова первично в «Сказании», оно заимствовано и при этом неудачно преобразовано автором «Задонщины» (первоначальный текст отражает список У), а затем переосмыслено в списке И-1. Ефросин в К-Б, видимо заметив несуразность фразы в списке, сходном с И-1 (Якову «не лежати» на поле Куликове), сократил фразу, но неудачно («Уже твоеи главѣ пасти на сырую землю, на бѣлую ковылу моему чаду Иякову»), а в список погибших на поле Куликове добавил: «Иаковъ *Ослебятинъ*». Следовательно, в *протографе* К-Б читалось: «А чаду моему (т. е. Осляби. — Л. С.) Иякову *лежати* (...) на поле Куликове».

Весь этот эпизод в «Задонщине» противоречив. Из-за неудачно построенной фразы в авторском тексте «Задонщины» переписчики путались в родственной связи Иакова (сын Пересвета или Осляби) и его судьбе (лежати — не лежати на поле Куликове). Странен и «диалог» двух братьев, он заключается в предсказании Пересвету гибели (Ослябя *предвидит* раны смертные на теле Пересвета и отлетающую на землю его голову и *сообщает* это скачущему по полю Пересвету!). В то же время в «Сказании» вполне понятная и реальная картина: Пересвет перед поединком прощается с братом и посылает через него благословение своему сыну Иякову, по всей вероятности, не участвовавшему в битве. Автор «Задонщины», заимствовав из «Сказания» имена Пересвета и Осляби, но исключив как явный анахронизм эпизод поединка

¹⁰⁴ См., например: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 29. В Забелинском варианте Основной ред. (ГИМ, собр. Забелина, № 261): Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василья Тупика, Якова Ослябатева и иных крепких юнош 70 человек. (Повести о Куликовской битве. С. 174).

Пересвета с татарским богатырем,¹⁰⁵ не справился с задачей создания новой версии: с одной стороны, они остались чернецами, с другой стороны — на Пересвете позолоченый «доспех», а не схи́ма, врученная Сергием Радонежским (что, видимо, тоже показалось автору «Задонщины» странным).

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «Сказание» было создано до «Задонщины», по крайней мере до 1475 г., когда был создан Ефросиновский список «Задонщины».

Говоря о датировке «Сказания», следует учесть тот факт, что его автор в одном случае ссылается на свидетельство «самовидца» из полка Владимира Андреевича (что указывает на особое отношение автора «Сказания» к серпуховскому князю), поведавшего великому князю о «венцах мученических», опущенных из облаков руками ангелов над бьющимися русскими полками:¹⁰⁶ «*Се же слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плѣку Владимира Андрѣевича, поведаа великому князю, глаголя: „Въ шестую годину сего дни видѣх над вами небо разврѣсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря над плѣком великого князя, дръжашесе низко. Тѣй же облакъ исплѣненъ рукъ человечьскихъ, яже руки дръжаще по велику плѣку ово проповѣдники, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тѣй много вѣнцевь дръжаше и опустишася над плѣкомъ, на головы христианьскыя“*».¹⁰⁷

В. А. Кучкин, признавая фрагмент о засадном полку заслуживающим доверия, полагает, что фраза о «самовидце» из полка Владимира Андреевича принадлежит не автору «Сказания», а заимствована им из его источника.¹⁰⁸ Ю. К. Бегунов, а за ним А. Л. Никитин указали, что ссылка в «Сказании» на «самовидца», видевшего небесную помощь войску, заимствована из «Жития Александра Невского»,¹⁰⁹ где говорится: «*Се же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ Божий на въздусъ, пришедши на помощь Александрови*».¹¹⁰

Чтобы ссылка на «самовидца» казалась правдоподобной, «Сказание» должно было быть создано в то время, когда еще оставались в живых некоторые участники сражения, но в то же время должно было пройти уже

¹⁰⁵ См. об этом: *Соколова Л. В.* Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 81—83.

¹⁰⁶ По мнению Р. Г. Скрынникова, «самое существенное значение для определения времени и места составления „Сказания“ имеет прямая ссылка автора на источники информации, которыми он пользовался: „Се же слышахом от вернаго самовидца, иже бе от польку Владимира Андреевича...“». См.: *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения. С. 58.

¹⁰⁷ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 44.

¹⁰⁸ Исследователь пишет: «Едва ли слушателем был автор „Сказания“, скорее всего, такая ссылка имела в одном из его источников, но важно то, что весь рассказ о засаде или, по меньшей мере, его основа восходит к свидетельству очевидца» (*Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 16).

¹⁰⁹ *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 482; *Никитин А. Л.* Основания русской истории. Мифологема и факты. М.: АГРАФ, 2001. С. 509.

¹¹⁰ Житие Александра Невского // ПЛДР. Вып. 3 : (XIII век). С. 434. «Житие Александра Невского» явилось основным литературным источником для «Повести о Куликовской битве», что было отмечено еще В. Мансиккой, М. А. Салминой и др. Независимо от своего непосредственного источника — «Летописной повести о Куликовской битве», автор «Сказания» самостоятельно обращался к «Житию Александра Невского». Подробнее о влиянии Жития на «Сказание» см.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 477—485.

достаточно времени после битвы, чтобы можно было сознательно исказить некоторые исторические факты, т. е. лет через 65—70 после битвы, не позднее середины XV в.

Исследование памятников Куликовского цикла привело меня к выводу, что «Сказание» было создано, скорее всего, во второй половине 1440-х или в самом начале 1450-х гг. Нижней границей является время создания Четвертой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского по классификации Б. М. Клосса. В Четвертой редакции Жития, а вслед за ней в «Сказании» соединились два вымышленных эпизода: эпизод приезда Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь к Сергию перед битвой с Мамаем (читающийся в Первой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского¹¹¹) и эпизод с благословенной грамотой Сергия (заимствованный Пахомием в Житие Сергия Радонежского из «Летописной повести о Куликовской битве»)¹¹². Причем, по «Сказанию», Дмитрий Иванович получает благословенную грамоту, как и в Житии, непосредственно перед битвой (в «Летописной повести» — перед переходом через Дон). По мнению Б. М. Клосса, Четвертая редакция создана Пахомием в 1444—1445 гг.¹¹³ Верхней границей написания «Сказания» может служить время создания «Задонщины», которая была создана, как мы пытались показать, после «Сказания». Таким образом, можно предполагать, что «Сказание» появилось между 1445 и 1475 гг., а точнее до 1453 г., не позднее которого, по нашему мнению, была написана «Задонщина».¹¹⁴

Исследователи предполагают, что «Сказание» было создано в Троице-Сергиевом монастыре. Это, в частности, обосновывается Б. М. Клоссом.

¹¹¹ Автор «Сказания» существенно переработал при этом житийный рассказ о посещении Дмитрием Ивановичем Сергия Радонежского перед Куликовской битвой, в свою очередь основанный на рассказе в своде 1408 г. о построении Сергием монастыря на Дубенке без связи с событиями 1380 г. В Первой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского читается такой текст: «Нѣкогда же приде князь великий в монастырь къ преподобному Сергию и рече ему: „Отче, велиа печаль обдержит мя: слышах бо, яко Мамаи въздвиже всю Орду и идет на Русьскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию Своею искупи. Тѣм же, отче святый, помози Бога о том, яко сия печаль обща всѣм хрестияном естъ“. Преподобный же отвѣща: „Иди противу их и Богу помогающе ти побѣдиши, и здравъ съ вои своими възвратишия, токмо не малодушьствуи“. Князь же отвѣща: „Аще убо Богъ поможет ми молитвами твоими, то пришед поставлю церковь въ имя Пречистыя Владычица наша Богородица честнаго Ея Успения и монастырь съставлю общаго жития“. Слышано же бысть, яко Мамаи идет с татары с великою силою. Князь же, събрав воя, изыде противу их. И бысть по пророчеству святого Сергия, и побѣдивъ, татары прогна и сам здравъ съ вои своими възвратися. И тако моливъ святого Сергия обрѣсти мѣсто подобно, идеже црковь сътворити. И тако обрѣтше мѣсто подобно, призва же и князя великаго и основаста церковь, иже и вскорѣ сътворише церковь красну въ имя Пречистыя на Дубенке и съставиши обще житие. Постави же единого от ученикъ своих игумена в том монастыри, сам же паки възвратися въ свои ему монастырь». См.: *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 369—370.*

¹¹² См. об этом: *Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 73—76.* Следует отметить, что соединение двух эпизодов читается и в Третьей Пахомиевской редакции по классификации Б. М. Клосса, созданной, по его мнению, в 1442—1443 гг., но некоторые современные исследователи сомневаются в принадлежности этой редакции Пахомию Сербу и ее датировке.

¹¹³ *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 174.*

¹¹⁴ Обоснование этого см.: *Соколова Л. В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? : (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 710—711.*

Такое предположение следует, во-первых, из того предпочтения, которое оказывается в тексте памятника личности преподобного Сергия Радонежского. Во-вторых, в «Сказании» отразились монастырские документы, с которыми мог быть знаком только монах Троице-Сергиевой обители или достаточно авторитетное лицо, допущенное к Троицкому архиву.¹¹⁵ В-третьих, с Троице-Сергиевым монастырем связаны многие потомки тех лиц, которые записаны в «Сказании» как участники Куликовской битвы. Скорее всего, эти сведения были сообщены потомками перечисленных лиц, записанных в Троицком пергаменном синодике. С Троицким монастырем связано также большинство купеческих родов, основатели которых упомянуты среди лиц, якобы сопровождавших Дмитрия Донского в его походе.¹¹⁶ Как показал М. Н. Тихомиров, элита московского купечества поддерживала тесные связи с Троицким монастырем и его настоятелем.¹¹⁷ Подчеркнем, что чудо с исцелением в Троице-Сергиевом монастыре Семена Антонова, одного из гостей-сурожан, взятых Дмитрием в поход, описано *Пахомием Сербом* в его редакциях Жития Сергия; по легенде, рождение Семена Антонова было предсказано самим Сергием Радонежским.

В заключение выскажем осторожное предположение, что автором «Сказания о Мамаевом побоище» был Пахомий Серб.¹¹⁸ В таком случае «Сказание» было написано в первый Московский период литературного творчества Пахомия, во время его пребывания в Троицком монастыре (1440—1458/1459 гг.), после создания им в 1444—1445 гг. Четвертой редакции Жития Сергия Радонежского, сведения из которой он использовал в «Сказании», то есть между 1445 и 1458 гг.

Осторожно предположим также, что Пахомий написал «Сказание о Мамаевом побоище» по заказу (писал он именно по заказам¹¹⁹) Василия Ярославича Серпуховского, внука Владимира Андреевича Храброго и его жены

¹¹⁵ Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище. С. 342.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 150—154.

¹¹⁸ Биографию Пахомия Серба см.: Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания : Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб.: Синод. тип., 1908. Глава 1: Биографические сведения о Пахомии Сербе. С. 1—10; Духанина А. В. Жизнь и творчество Пахомия Серба // Житие Сергия Радонежского : Пространная редакция / Подгот. текста, пер., комм., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. Приложение 2. С. 571—597. Произведения, написанные Пахомием или приписываемые ему, перечислены А. В. Духаниной, см.: Там же. С. 584—586. По словам А. В. Духаниной, «на сегодняшний день Пахомию Сербу надежно атрибутируют 9 житий, 3 похвальных слова, 4 сказания, 13 служб и 20 канонов» (как оригинальных, так и созданных на основе уже существовавших произведений; к работе над некоторыми сочинениями Пахомий обращался неоднократно, причем точное число созданных им редакций не всегда известно). Еще целый ряд сочинений приписывают перу Пахомия (Там же. С. 575). Обзор последних исследований творчества Пахомия см. в статье: Духанина А. В. Пахомий Логофет (Серб) // ПЭ. М., 2019. Т. 55. С. 158—190.

¹¹⁹ Труды Пахомия быстро создают ему положение официального писателя. С литературными поручениями к нему обращаются: сам великий князь, митрополит «со всем собором святителей», епархиальные архиереи и др. «Он был писателем, профессионально работавшим на заказ и получавшим за свою работу плату (он об этом пишет сам)» (Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). С. 168). Пахомий указал заказчиков и свое авторство во многих сочинениях (в заглавиях, предисловиях, послесловиях, акростихах и т. д.) (Духанина А. В. Пахомий Логофет (Серб). С. 160).

Елены Ольгердовны. Троицкий монастырь находился на землях Серпуховского княжества, и серпуховские князья делали богатые вклады в монастырь. В «Сказании» Пахомий, вероятно по просьбе Василия Ярославича, возвысил роль в Куликовской битве его деда — Владимира Андреевича Храброго и шуринов последнего — Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. При этом автор принизил роль в Куликовской битве великого князя Московского Дмитрия Ивановича.¹²⁰ Примером подобного заказа может служить смысловая переработка в Тверской летописи, имевшая целью смягчить оценку действий тверского князя Михаила, предка заказчика свода, против московского князя.

Авторство Пахомия Серба многое объясняет в «Сказании». Приведем пока лишь некоторые соображения.

Если «Сказание» написано Пахомием Сербом, то понятно повествование в нем о Сергии Радонежском — Пахомий перед этим написал Четвертую редакцию его Жития, в которой были те сведения, которые он повторил в «Сказании». В «Сказании» так же, как в Четвертой редакции Жития Сергия, Дмитрий Донской получает благословенную грамоту от Сергия уже после перехода через Дон, непосредственно перед битвой, тогда как в «Летописной повести о Куликовской битве» именно грамота Сергия побуждает Дмитрия Ивановича перейти Дон.

Пахомий, как выяснили исследователи его творчества, при написании житий довольно свободно обращался с историческими фактами. Это характерно и для автора «Сказания». Например, он сочинил эпизод с ранением и беспамятством Дмитрия Ивановича. В наиболее ранних источниках нигде не говорится о ранении князя и о том, что он оставил поле сражения и лежал, раненый и оглушенный ударами, под березой, в результате чего вся победная часть боя прошла без его участия. По мнению М. Н. Тихомирова, это выдумка, сочиненная в кругах, враждебных Дмитрию, но «клевета оказалась живучей и ядовитой».¹²¹ Такой же выдумкой, порочащей князя Дмитрия Ивановича, является эпизод с его переодеванием. Р. Г. Скрынников отметил, что легенда о переодевании Дмитрия Донского «поражает своими несообразностями». Снять с себя наиболее прочный княжеский доспех, отлично подогнанный по фигуре, отдать испытанного боевого коня за считанные минуты до сечи — означало подвергнуть себя наибольшей опасности.¹²² По мнению А. Е. Петрова, мотив переодевания князя Дмитрия Ивановича мог быть подсказан автору «Сказания» «Сербской Александрией».¹²³ Автором «Сказа-

¹²⁰ Автор «Сказания» вступил в полемику с «Летописной повестью о Куликовской битве» относительно роли в Куликовской битве ее участников. Сопоставление «Сказания о Мамаевом побоище» с «Летописной повестью о Куликовской битве» см.: *Соколова Л. В.* История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // *Русская литература.* 2020. № 3. С. 153—164.

¹²¹ *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // *Повести о Куликовской битве.* С. 372.

¹²² *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения. С. 68.

¹²³ Речь идет о переодевании Александра и Антиоха — одного из его ближайших воевод: «...а Антиоха мниха (слово мних лишь в одном Ефросиновском списке) воеводу вместо себя постави, на царьском престоле посади, а сам яко един от властель Антиоха предстояше» (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 55). *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 57.

ния» был сочинен и эпизод единоборства Пересвета с Челубеем,¹²⁴ а также, по всей вероятности, история с засадным полком, восхваляющая Владимира Андреевича и полководческий талант Дмитрия Боброка-Волынского, также навеянная автору «Сербской Александрией».¹²⁵ В «Сказании» подчеркнуто значение, которое якобы сыграли Ольгердовичи в Куликовской битве, что, по мнению М. Н. Тихомирова, не соответствовало действительности.¹²⁶

Можно вспомнить также анахронизмы в «Сказании», допущенные автором, по мнению Л. А. Дмитриева, сознательно, с определенными художественными целями: 1) вместо Ягайла действует его отец Ольгерд; 2) в «Сказании» митрополит Киприан благословляет Дмитрия Ивановича на Куликовскую битву, тогда как в действительности Киприана в то время не было в Москве; 3) Владимирская икона Божией матери была принесена в Москву из Владимира не в 1380, а только в 1395 г. во время нашествия Тамерлана.¹²⁷

Об авторстве Пахомия могут свидетельствовать и источники «Сказания». В его основе лежит «Летописная повесть о Куликовской битве». Эта повесть была известна Пахомию, ранее он использовал ее при написании Жития Сергия Радонежского.¹²⁸ В качестве источников «Сказания» автор использовал также «Сербскую Александрию». Как было сказано, А. Е. Петров на этом основании датировал «Сказание» концом XV в. Но если автором «Сказания» был Пахомий, то он, надо полагать, знал «Сербскую Александрию» по сербским спискам, которые мог читать еще в Сербии, и использовать некоторые ее мотивы при создании «Сказания» во второй половине 1440-х гг. XV в. Заимствования из «Сербской Александрии» не носят текстологического характера, скорее, это заимствование мотивов. Но при этом можно предположить, что список памятника у Пахомия был и что именно он познакомил с «Сербской Александрией» Ефросина Белозерского. Список памятника, переписанный Ефросином Белозерским, датируется концом XV в. (около 1491 г.), он представляет особый («Ефросиновский») вид Русской редакции «Сербской Александрии», но сам Ефросин, по мнению Е. И. Ванеевой, не мог быть его создателем, поскольку в его списке есть пропуски, которых нет в других списках этого вида.¹²⁹ Знакомство и сотрудничество Ефросина Белозерского и Пахомия Серба М. А. Шибаяев относит к периоду

¹²⁴ Доказательство этого см. в статье: *Соколова Л. В.* Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 62—89.

¹²⁵ В «Сербской Александрии» сюжет с засадой повторяется не раз, например: «Александр же, сие слышав, Селевка воеводу с тысящью воинства посла в некое место съкрытися повеле» (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. С. 54). См. об этом: *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 57.

¹²⁶ По мнению М. Н. Тихомирова, «Сказание» прославляло «литовских князей Ольгердовичей, а также Владимира Андреевича серпуховского как героев битвы. Наоборот, Дмитрий Донской изображен почти трусом. Это — сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием» (*Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года. С. 346).

¹²⁷ Л. А. Дмитриев полагал, что икона Владимирской Богоматери могла в 1380 г. временно находиться в Москве (*Дмитриев Л. А.* К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. С. 422). См. также: *Петров А. Е.* Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище».

¹²⁸ См. об этом: *Соколова Л. В.* Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 74.

¹²⁹ *Ванеева Е. И.* Александрия Сербская // Словарь книжников. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А—К. С. 21—25.

пребывания Пахомия в Кирилло-Белозерском монастыре (с начала 1462 г. по май того же года). При составлении своего келейного сборника Ефросин привлек сербского агиографа для написания известным последнему сказаний об афонских монастырях, об этом свидетельствует автограф Пахомия, обнаруженный М. А. Шибаяевым в ефросиновском сборнике РНБ, Кир.-Бел. собр., № 22/1099.¹³⁰ Знакомство двух книжников могло произойти и в Троице-Сергиевом монастыре, где, по гипотезе С. Н. Кистерева, Ефросин провел некоторое время.

Знакомство Пахомия Серб с южнославянскими переводами светских исторических произведений, в первую очередь с «Сербской Александрией», могло послужить основанием и оправданием для создания такого же исторического «романа» с вымышленными эпизодами на материале русской истории.¹³¹ Именно сюжетная занимательность, литературное мастерство автора привлекли русского читателя в «Сказании о Мамаевом побоище», широко распространившемся в списках и даже вошедшем в летопись.

Особенностью творчества Пахомия является неоднократная переработка как собственных сочинений, так и произведений, уже существовавших в литературе до него.¹³² Можно предположить поэтому, что оба варианта Основной редакции «Сказания» (вариант О и распространенный вариант У¹³³) создал Пахомий. Можно предположить также, что именно он создал Распространенную редакцию «Сказания», в которую вставлено повествование об участии новгородцев в Куликовской битве, на самом деле в ней не участвовавших. По словам Л. А. Дмитриева, «не вызывает никакого сомнения новгородское происхождение повести о новгородцах в Распространенной редакции».¹³⁴ Она могла быть создана Пахомием во второй период его пребывания в Новгороде (конец 1470-х—1480-е гг.). Л. А. Дмитриев полагал, что время создания Распространенной редакции должно определяться как очень близкое к 70-м гг. XV в.: «очевидно, повесть о новгородцах была создана вскоре после окончательного падения самостоятельности Новгорода в 1478 г.».¹³⁵ Интересно в связи с этим замечание А. И. Лященко о том, что

¹³⁰ Шибаяев М. А. Ефросин Белозерский и Пахомий Логофет : К вопросу о знакомстве двух книжников XV в. // Историография, источниковедение, история России X—XX вв.: Сб. статей в честь С. Н. Кистерева. М., 2008. С. 14—18.

¹³¹ Напомню, что, по мнению А. Вайяна, «Сказание» написано в духе рыцарского романа. См.: Vaillant A. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai» // Revue des études slaves. Paris, 1961. Т. 39, fasc. 1—4. P. 59—89.

¹³² Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет). С. 170; Духанина А. В. Пахомий Логофет (Серб). С. 160.

¹³³ «Группа У отличается от О иным окончанием, поздний характер которого легко обнаруживается. Окончание списков группы У представляет собой рассказ о возвращении великого князя и его воинства с поля боя на Москву. Сюжетно он повторяет в обратной последовательности сведения о пути великого князя из Москвы на Куликово поле. Такое окончание могло принадлежать и автору памятника, но о его позднем происхождении говорит то, что этот рассказ не только сюжетно повторяет начало произведения, но и в значительной степени совпадает с ним и текстуально. Текстуальные повторения не могли принадлежать автору памятника» (Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. С. 421). Однако это окончание вполне могло быть создано самим Пахомием Сербом, исследователи не раз отмечали, что самоповтор — характерная черта его творчества.

¹³⁴ Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. С. 414.

¹³⁵ Л. А. Дмитриев датировал Распространенную редакцию 80—90-ми гг. XV в. (Там же. С. 411—414).

«Жития, составленные им (Пахомием. — Л. С.) в Новгороде, проникнуты новгородским патриотизмом; совершенно обратное замечается в житиях московских святых».¹³⁶

По мнению А. А. Горского, Московский свод 1479 г. включает шесть произведений, которые могут быть атрибутированы Пахомию,¹³⁷ при этом пять из них содержат общую черту, которую можно определить как «антиордынскую тенденцию».¹³⁸ А. А. Горский отметил при этом, что «Повесть о убиении Батгя»¹³⁹ и «Повесть о Темир-Аксаке»¹⁴⁰ объединены общей идеей: при условии крепости веры можно нанести поражение и непобедимому татарскому «царю».¹⁴¹ К названным произведениям с полным основанием можно отнести и «Сказание о Мамаевом побоище». Это дополнительный аргумент в пользу того, чтобы атрибутировать «Сказание о Мамаевом побоище» Пахомию Сербу.

Обращает на себя внимание близость «Повести о Темир-Аксаке» к «Сказанию» по теме (столкновение с Ордой) и по жанру, а также по времени их создания. Кроме того, в «Сказании о Мамаевом побоище» и в двух Пахо-

¹³⁶ Лященко А. И. Пахомий Логофет // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 23 (45). С. 58.

¹³⁷ А. А. Горский полагает, что и «Повесть о убиении Батгя», и особые редакции Жития Михаила Черниговского, «Повести о Темир Аксаке», «Слова на латыню» и «Слова на перенесение мощей митрополита Петра» создавались Пахомием специально для включения в летопись (*Горский А. А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2003. № 4 (14). С. 91).

¹³⁸ Там же. «Свод 1477 г. был явно связан с деятельностью „антиордынской“ группировки. Пахомию Сербу, таким образом, принадлежала видная роль в создании идеологического обоснования необходимости и возможности непокорения Орде» (Там же. С. 93).

¹³⁹ По мнению А. А. Горского, Пахомий создал две редакции «Сказания о гибели Батгя»: летописную редакцию этого произведения для Московского летописного свода 1477 г., а впоследствии на ее основе — внелетописную редакцию, встречающуюся в рукописях в качестве дополнения к Пахомиевской редакции Жития Михаила Черниговского и боярина Феодора. См.: *Горский А. А.* «Повесть о убиении Батгя» и русская литература 70-х годов XV века // *Средневековая Русь.* М., 2001. Вып. 3. С. 191—221. Н. И. Милютенко, однако, пишет: «Взгляд на Пахомия как на участника работы над великокняжескими летописными сводами, закончившимися 1477 и 1479 гг., утвердился, но при ближайшем рассмотрении обнаруживаются непримиримые фактические противоречия между его сочинениями и этими памятниками» (*Милютенко Н. И.* Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2019. № 2 (76). С. 5). Впрочем, Н. И. Милютенко, считая невероятным предположение, что Пахомий имел какое-то отношение к великокняжескому летописанию XV в., делает оговорку: «Это не исключает того, что сочинения Пахомия использовали летописцы, но сам он в этой работе участвовал едва ли. Иначе трудно объяснить, что он не привел содержание своих житий в соответствие с фактологией великокняжеского свода» (Там же. С. 10). В совместной статье Т. Б. Карбасовой и Н. И. Милютенко «Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященном Михаилу и Феодору Черниговским» (ТОДРЛ. СПб., 2019. Т. 66. С. 197—233) высказано мнение, что Сказание «О убиении Батгя» появилось не раньше второй половины 1450-х гг., что «на стиль Пахомия это увлекательное, но незамысловатое по форме и неглубокое по мысли сочинение не похоже» и что «соединение Второй редакции Жития и Сказания „О убиении Батгя“, видимо, сделано по аналогии с летописью, но вопрос, сам ли Пахомий включил его в конвой своего сочинения, остается открытым» (Там же. С. 227).

¹⁴⁰ *Жучкова И. Л.* Повесть о Темир-Аксаке // *Словарь книжников.* Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). С. 283—287; *Клосс Б. М.* Повесть о Темир-Аксаке // *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 61—141.

¹⁴¹ *Горский А. А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. С. 91.

миевских редакциях «Повести о Темир-Аксаке» читается сообщение о том, что Владимирскую икону Божией матери написал евангелист Лука (этого нет в первоначальной, Епифаниевской (по Клоссу), редакции Повести). Если наша датировка и атрибуция «Сказания» верна, то можно будет говорить о том, что впервые Пахомий написал об этом в «Сказании» (во второй половине 40-х—начале 50-х гг. XV в.), затем повторил это в своей редакции «Повести о Темир-Аксаке», читающейся в Московском летописном своде 1479 г. В этой редакции «Повести о Темир-Аксаке» (в отличие от редакции, содержащейся в Типографской летописи) неоднократно встречается добавление к имени Темир-Аксака эпитета «безбожный»,¹⁴² используемого для характеристики Пахомием татарских правителей.¹⁴³ Этот же эпитет является постоянным по отношению к Мамаю в «Сказании о Мамаевом побоище».

Самоповтор, в том числе излюбленных выражений, встречается у Пахомия Серба в разных произведениях. Это характерная особенность его творчества, отмечаемая исследователями.¹⁴⁴ В связи с этим обратимся к аргументации Б. М. Клосса, который пытался доказать зависимость «Сказания» от «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» в своде 1479 г. на основании текстологического сопоставления отдельных выражений, в частности, «слезы — рѣчныя быстрины». Он показал, что, по сравнению с редакцией «Слова о житии...», входящей в С1Л и Н4Л, где читается «слезы от очию испущающи», в редакции, входящей в Московский летописный свод 1479 г., добавлено сравнение «яко быстрины рѣчныя». Б. М. Клосс полагает, что это выражение заимствовано из «Слова о житии...» в «Сказание о Мамаевом побоище», делая на этом основании вывод о создании «Сказания» после 1479 г.¹⁴⁵

«Слово о житии...» в С1Л, Н4Л	«Слово о житии...» в своде 1479 г.	«Сказание...»
«...княгиня ⟨...⟩ въспла- кася горкымъ гласом, огньныя слезы от очию испущающи, утробю распалаящи, в перси своя руками бьюще». ¹⁴⁶	«...княгини възопи горкым гласомъ и слезы от очию яко быстрины рѣчныя испущающи и утробю распалаящися и в перси своя руками бьюще». ¹⁴⁷	«Княгини же великаа Ев- докиа ⟨...⟩ слезы льющи, аки рѣчную быстрину. С великою печалию при- ложывъ руцѣ свои къ пер- сем своим и рече...». ¹⁴⁸

Выражение «слезы — рѣчныя быстрины» читается и в редакции «Повести о убиении Батгя», входящей в Московский летописный свод 1479 г.,

¹⁴² ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 222—224.

¹⁴³ Горский А. А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. С. 90.

¹⁴⁴ Духанина А. В. Пахомий Логофет (Серб). С. 160.

¹⁴⁵ Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище. С. 337.

¹⁴⁶ Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подгот. текста, пер. и комм. М. А. Салминой // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 216.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 217.

¹⁴⁸ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 33. Это же чтение в варианте Ундольского Основной редакции, в Печатном варианте, в Распространенной редакции, в Лондонском списке.

автором которой признается Пахомий Серб. Приведа молитву короля Владислава, автор пишет: «Сия же ина многа плача глаголаше, слезам же текущим от очию его, *яко рѣчным быстринам* подобящеся...».¹⁴⁹ Таким образом, можно полагать, что выражение «слезы — рѣчныя быстрины» повторялось Пахомием в разных произведениях, в том числе в «Сказании о Мамаевом побоище» и в его редакции «Повести о убиении Батгья». Что касается использования этого выражения в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», входящем в Московский свод 1479 г., то можно предположить, что, участвуя в написании произведений для этого свода,¹⁵⁰ Пахомий мог внести некоторую правку в «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», созданное, вероятно, Епифанием Премудрым.¹⁵¹ То же самое можно сказать о выражении «*конечное целование дав (отдав)*», также указанном Б. М. Клоссом в доказательство зависимости «Сказания» от «Слова о житии...» в редакции Московского свода 1479 г. В первоначальной редакции «Слова о житии...», входящей в Новгородскую Карамзинскую летопись (РНБ, Ф. IV.603), так говорится о смерти Дмитрия Ивановича: «И тако {...} *лобызав* княгиню и дѣти своя, и бояре своя *конечнымь лобзаниемь*, и благослови их, и пригнувъ руцѣ к персемь, и тако предасть святую свою и непорочную душу в руцѣ истиннаго Бога...».¹⁵² В Московском своде 1479 г. вместо «*лобызав конечнымь лобзаниемь*» читаем «*конечное целование дав им...*». Сходно в «Сказании о Мамаевом побоище»: жены, провожающие своих мужей в поход, «*отдаша* своим мужем *конечное цѣлование...*».¹⁵³ Здесь тоже можно предположить редактирование «Слова о житии...» Пахомием.

Подробный анализ лексики и фразеологии «Сказания о Мамаевом побоище» в сопоставлении с произведениями Пахомия Серба должен явиться предметом специального исследования. Необходимо также сравнить принципы цитирования Священного Писания и отсылок к нему в произведениях Пахомия и в «Сказании о Мамаевом побоище».

Итак, мы пришли к предварительному выводу о создании «Сказания о Мамаевом побоище» Пахомием Сербом в первый период его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре (1440—1458 гг.), после создания им Четвертой (по классификации Б. М. Клосса) редакции Жития Сергия Радонежского (1444—1445 гг.) и до создания «Задонщины» (1475-м годом датируется Ефросиновский список, авторский текст создан, вероятно, не позднее 1453 г.), то есть между 1445 и 1475 гг. или, учитывая наше предположение о времени создания «Задонщины», между 1445 и 1453 гг.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 140.

¹⁵⁰ См. об этом: Горский А. А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. С. 87—93.

¹⁵¹ Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 403—405.

¹⁵² Цит. по: БЛДР. Т. 6. С. 214.

¹⁵³ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 33.

Список литературы

- Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965. 267 с.
- Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М.: Издание Министерства Императорского двора, 1912. Т. 1. 259 с.
- Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 477—523.
- Бобров А. Г.* 1) Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20; 2) Летописный свод митрополита Фотия : (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 98—137; 3) По поводу статьи М. А. Салминой «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения „Сказания о Мамаевом побоище“» // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 963—967.
- Буланин Д. М.* В поисках образца : Александр Македонский на Куликовом поле // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 87—106.
- Ванеева Е. И.* 1) Александрия Сербская // Словарь книжников. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1: А—К. Л.: Наука, 1988. С. 21—25; 2) О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 152—161.
- Вартберг Г.* Ливонская хроника // Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь / Сост. А. Р. Андреев, С. А. Шумов. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005 (Сер. «Тайные секты и ордена»). С. 204—291.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 188. 584 с.
- Всеобщая история архитектуры. В 12 т. Т. 6: Архитектура России, Украины и Белоруссии XIV—перв. пол. XIX вв. / Под ред. П. Н. Максимова (отв. ред.) и др. Л.: Издательство литературы по строительству, 1968. 568 с., ил.
- Голубев С. Т.* Древний помяник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 6. Отд. 3. Киев, 1892. С. I—XIV, 1—88.
- Горский А. А.* 1) Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV века // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 87—93; 2) «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 191—221.
- Греков И. Б.* 1) Восточная Европа и упадок Золотой Орды : (На рубеже XIV—XV вв.). М., 1975; 2) О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27—36.
- Данилевский И. Н.* Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11—15.
- Дмитриев Л. А.* 1) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406—448; 2) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306—359; 3) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 185—199; 4) Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 371—384; 5) 600-летний юбилей Куликовской битвы // Русская литература. 1983. № 1. С. 216—234.
- Духанина А. В.* Пахомий Логофет (Серб) // ПЭ. М., 2019. Т. 55. С. 158—190.
- Житие Александра Невского / Подгот. текста, пер. и комм. В. И. Охотниковой // Памятники литературы древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 426—439.
- Житие Сергия Радонежского : Пространная редакция / Подгот. текста, пер., комм., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. (Patrologia Slavica. Т. 3). 637 с.
- Жучкова И. Л.* Повесть о Темир-Аксаке // Словарь книжников. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 283—287.
- История родов русского дворянства. В 2 кн. / Авт.-сост. П. Н. Петров. М.: Современник, Лексика, 1991. Т. 1. 431 с.
- История Спасской башни Московского Кремля. Справка. РИА Новости <https://ria.ru/spravka/20080426/105961242.html>

Каптерев Н. Ф. Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий // Богословский вестник. 1906. № 10. С. 326—360.

Карбасова Т. Б., Милотенко Н. И. Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященном Михаилу и Феодору Черниговским // ТОДРЛ. СПб., 2019. Т. 66. С. 197—233.

Клосс Б. М. 1) Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // IN MEMORIAM: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: ATHENEUM·ФЕНИКС, 1997. С. 253—262; 2) Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. 564 с.; 3) Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. М., 2001. 488 с.

Кучкин В. А. 1) Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 103—125; 2) Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3—21.

Лященко А. И. Пахомий Логофет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 23 (45). С. 58.

Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. 296 с.

Милотенко Н. И. Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 5—12.

Мингалев В. С. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 24: Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1966. Вып. 2. С. 55—72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГИАИ. М.; Вильнюс, 1971.

Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 286—317.

Никитин А. Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты. М.: «АГРАФ», 2001. Памятники Куликовского цикла. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 410 с.

Пенский В. В. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Наука. Искусство. Культура. Вып. 3 (7). 2015. С. 22—28.

Петров А. Е. 1) «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54—64; 2) Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: Источниковедческие аспекты истории книги: Сб. статей. М., 1998. С. 110—130; 3) К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тез. докл. и сообщ. конф. молодых специалистов РГБ по итогам научно-исследовательской работы за 1992 год. М., 1993. С. 30—31; 4) Проблема датировки «Сказания о Мамаевом побоище» в связи с «Повестью о походе Ивана III на Новгород в 1471 году» // Румянцевские чтения: К 240-летию со дня рождения Н. П. Румянцева: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (14—15 апреля 1994 г.). В 2-х ч. Ч. 2. М.: РГБ, 1994. С. 49—51; 5) «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1998; 6) Фрагмент о выходе русского войска в поход в «Сказании о Мамаевом побоище» и его источник // Лестница: Мат-лы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии пам. проф. В. П. Макарихина. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (22 мая 2003 г.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2005. С. 209—213.

Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Издательство АН СССР, 1959 (Лит. памятники). 511 с.

Повесть о Темир-Аксаке // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. 583 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 1: 1649—1675 гг. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1073 с. Электронный ресурс: <https://www.runivers.ru/lib/book3130/9809>

Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 167—177.

Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Словарь книжников. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 403—405.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; 2-е изд., репринт: М., 1962.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века: М.; Л., 1949; 2-е изд., репринт: М., 2004.

Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6, ч. 1: Памятники древнерусского канонического права (XI—XV в.). То же. 2-е изд. СПб., 1908. 682 с.

Салмина М. А. 1) К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 251—264; 2) К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 98—124.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. 422 с.

Скрынников Р. Г. Куликовская битва : Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины : Мат-лы юбилейной науч. конф. М.: Издательство Московского ун-та, 1983. С. 43—70.

Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18. 288 с.

Словарь философских терминов / Под ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: Инфра-М, 2007; М., 213. 730 с.

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Салминой // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 206—227.

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла : К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. 618 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. Ч. 1. 533 с.

Соколова Л. В. 1) Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России : [К 700-летию преподобного Сергия Радонежского] : Мат-лы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.) / Под ред. Л. В. Соколовой. Ярославль: ИД «Канцлер», 2016. С. 62—89; 2) Куда «шибла слава» о Куликовской битве? : (К вопросу о «списке городов» в Пространной и Краткой редакциях «Задонщины») // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2014. С. 173—191; 3) История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153—164; 4) Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? : (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 673—724; 5) Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? : (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. Т. 65. СПб.: Росток, 2017. С. 101—121.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. 1802 стб.

Тихомиров М. Н. 1) Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 335—376; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М.: Издательство МГУ, 1957. 320 с.

Филарет, митр. Московский и Коломенский. Пространный Православный Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М.: Сибирская Благовонница, 2013. 160 с.

Чивилихин В. А. Память : Роман-эссе. М.: «Современник», 1982. 767 с.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. 374 с.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премии митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 79—204.

Щенникова Л. А. Владимирская икона Божией матери // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 8—38.

Шибяев М. А. Ефросин Белозерский и Пахомий Логофет : (К вопросу о знакомстве двух книжников XV в.) // Историография, источниковедение, история России X—XX вв. : Сб. статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. М., 2008. С. 14—18.

Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания : Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб.: Синод. тип., 1908. 314 с.

Ivinskis Z. Lietuvos istorija iki Vytauto Didžiojo mirties. Rome: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1978. 428 p.

Vaillant A. Les recits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai» // Revue des etudes slaves. 1—4. Paris, 1961. T. 39, fasc. P. 59—89.

References

Aleksandrija : Roman ob Aleksandre Makedonskom po ruskoj rukopisi XV v. / Izd. podgot. M. N. Botvinnik, Ja. S. Lur'e I, O. V. Tvorogov. M.; L., 1965. 267 s.

Bartenev S. P. Moskovskij Kreml' v starinu i teper'. M.: Izdanie Ministerstva Imperatorskogo dvora, 1912. T. 1. 259 s.

Begunov Ju. K. Ob istoricheskoj osnove «Skazaniya o Mamaevom poboishche» // «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. M.; L., 1966. S. 477—523.

Bobrov A. G. 1) Iz istorii letopisanija pervoj poloviny XV v. // TODRL. SPb., 1993. T. 46. S. 3—20; 2) Letopisnyj svod mitropolita Fotija : (Problema rekonstrukcii teksta) // TODRL. SPb., 2001. T. 52. S. 98—137; 3) Po povodu stat'i M. A. Salminoj «K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvah vozniknoveniya «Skazaniya o Mamaevom poboishche» // TODRL. SPb., 2006. T. 57. S. 963—967.

Bulanin D. M. V poiskah obrazca : Aleksandr Makedonskij na Kulikovom pole // Zolotoordynskoe obozrenie. 2020. T. 8. № 1. S. 87—106.

Vaneva E. I. 1) Aleksandrija Serbskaja // Slovar' knizhnikov. Vyp. 2 (vtoraja polovina XIV—XVI v.). Ch. 1: A—K. L.: Nauka, 1988. S. 21—25; 2) O edinom proishozhdenii russkih spiskov Serbskoj Aleksandrii // TODRL. L., 1979. T. 34. S. 152—161.

Vartberg G. Livonskaja hronika // Tevtonskij orden. Krai krestovogo pohoda na Rus' / Sost. A. R. Andreev, S. A. Shumov. M.: Algoritm, Eksmo, 2005 (Ser. «Tajnye sekty i ordena»). S. 204—291.

Veselovskij S. B. Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevadel'cev. M.: Nauka, 1969. S. 188. 584 s.

Vseobshchaja istorija arhitektury. V 12 t. T. 6: Arhitektura Rossii, Ukrainy i Belorussii XIV—perv. pol. XIX vv. / Pod red. P. N. Maksimova (otv. red.) i dr. L.: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1968. 568 s., il.

Golubev C. T. Drevnij pomjannik Kievo-Pecherskoj lavry (konca XV i nachala XVI st.) // Chtenija v istoricheskom obshchestve Nestora letopisca. Kn. 6. Otd. 3. Kiev, 1892. S. I—XIV, 1—88.

Gorskij A. A. 1) Pahomij Serb i velikoknjazheskoe letopisanie vtoroj poloviny 70-h g. XV veka // Drevnjaja Rus' : Voprosy medievistiki. 2003. № 4 (14). S. 87—93; 2) «Povest' o ubienii Batyja» i russkaja literatura 70-h godov XV veka // Srednevekovaja Rus'. M., 2001. Vyp. 3. S. 191—221.

Grekov I. B. 1) Vostochnaja Evropa i upadok Zolotoj Ordy : (Na rubezhe XIV—XV vv.). M., 1975; 2) O pervonachal'nom variante «Skazaniya o Mamaevom poboishche» // Sovetskoe slavjanovedenie. 1970. № 6. S. 27—36.

Danilevskij I. N. Kak Sergij Radonezhskij stal geroem Kulikovskoj bitvy // Rodina. 2014. № 5. S. 11—15.

Dmitriev L. A. 1) K literaturnoj istorii Skazaniya o Mamaevom poboishche // Povesti o Kulikovskoj bitve. M., 1959. S. 406—448; 2) Literaturnaja istorija pamjatnikov Kulikovskogo cikla // Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve. L., 1982. S. 306—359; 3) O datirovke «Skazaniya o Mamaevom poboishche» // TODRL. M.; L., 1954. T. 10. S. 185—199; 4) Skazanie o Mamaevom poboishche // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2. Ch. 2. L., 1989. S. 371—384; 5) 600-letnij jubilej Kulikovskoj bitvy // Russkaja literatura. 1983. № 1. S. 216—234.

Duhanina A. V. Pahomij Logofet (Serb) // Pravoslavnaja enciklopedija. M., 2019. T. 55. S. 158—190.

Zhitie Aleksandra Nevskogo / Podgot. teksta, per. i comm. V. I. Ohotnikovoj // Pamjatniki literatury drevnej Rusi. XIII vek. M., 1981. S. 426—439.

Zhitie Sergija Radonezhskogo : Prostrannaya redakciya / Podgot. teksta, per., komm., issled. A. V. Duhanin. M.; Bryussel', 2015. (Patrologia Slavica. T. 3). 637 s.

Zhuchkova I. L. Povest' o Temir-Aksake // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2: Vtoraja polovina XIV—XVI v. Ch. 2 (L—Ya). L., 1989. S. 283—287.

Istorija rodov ruskogo dvorjanstva. V 2 kn. / Avt.-sost. P. N. Petrov. M.: Sovremennik, Leksika, 1991. T. 1. 431 s.

Istorija Spasskoj bashni Moskovskogo Kremlja. Spravka. RIA Novosti <https://ria.ru/spravka/20080426/105961242.html>

Kapterev N. F. Car' i cerkovnye moskovskie sobory XVI i XVII stoletij // Bogoslovskij vestnik. 1906. № 10. S. 326—360.

Karbasova T. B., Miljutenko N. I. «Pahomij Serb v rabote nad agiograficheskim ciklom, posvjashchennom Mihailu i Feodoru Chernigovskim» // TODRL. SPb., 2019. T. 66. S. 197—233.

Kloss B. M. 1) Ob avtore i vremeni sozdanija «Skazanija o Mamaevom poboishche» // IN MEMORIAM: Sbornik pamjati Ja. S. Lur'e. SPb.: ATHENEUM·FENIKS, 1997. S. 253—262; 2) Izbrannye trudy. T. 1: Zhitie Sergija Radonezhskogo. M., 1998. 564 s.; 3) Izbrannye trudy. T. 2: Ocherki po istorii ruskoj agiografii XIV—XVI vv. M., 2001. 488 s.

Kuchkin V. A. 1) Dmitrij Donskoj i Sergij Radonezhskij v kanun Kulikovskoj bitvy // Cerkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noj Rossii. M., 1990. S. 103—125; 2) Pobeda na Kulikovom pole // Voprosy istorii. 1980. № 8. S. 3—21.

Ljashchenko A. I. Pahomij Logofet // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1898. T. 23 (45). S. 58.

Malinovskij A. F. Obozrenie Moskvy. M.: Moskovskij rabochij, 1992. 296 s.

Miljutenko N. I. Letopisnye istochniki zhitij Pahomija Serba (Logofeta) // Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki. 2019. № 2 (76). S. 5—12.

Mingalev V. S. 1) Letopisnaja povest' — istochnik «Skazanija o Mamaevom poboishche» // Trudy Mosk. gos. istoriko-arhivnogo in-ta. T. 24: Voprosy istochnikovedenija istorii SSSR. M., 1966. Vyp. 2. S. 55—72; 2) «Skazanie o Mamaevom poboishche» i ego istochniki: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. MGIAI. M.; Vil'nyus, 1971.

Moskovskaja povest' o pohode Ivana III Vasil'evicha na Novgorod // BLDL. SPb.: Nauka, 1999. T. 7. S. 286—317.

Nikitin A. L. Osnovanija ruskoj istorii. Mifologemy i fakty. M.: «AGRAF», 2001.

Pamjatniki Kulikovskogo cikla. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1998. 410 s.

Penskij V. V. O datirovke «Skazanija o Mamaevom poboishche» // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Vyp. 3 (7). 2015. S. 22—28.

Petrov A. E. 1) «Aleksandrija Serbskaja» i «Skazanie o Mamaevom poboishche» // Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki. 2005. № 2 (20). S. 54—64; 2) Anahronizmy «Skazanija o Mamaevom poboishche» // Pis'mennaja kul'tura: istochnikovedcheskie aspekty istorii knigi: Sb. statej. M., 1998. S. 110—130; 3) K voprosu o datirovke «Skazanija o Mamaevom poboishche» // Tez. dokl. i soobshch. konf. molodyh specialistov RGB po itogam nauchno-issledovatel'skoj raboty za 1992 god. M., 1993. S. 30—31; 4) Problema datirovki «Skazanija o Mamaevom poboishche» v svjazi s «Povest'ju o pohode Ivana III na Novgorod v 1471 godu» // Rumjancevskie chtenija : K 240-letiju so dnja rozhdenija N. P. Rumjanceva: tez. dokl. i soobshch. nauch.-prakt. konf. (14—15 aprelja 1994 g.). V 2 ch. Ch. 2. M.: RGB, 1994. S. 49—51; 5) «Skazanie o Mamaevom poboishche» kak istoricheskij istochnik: Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 1998; 6) Fragment o vyhode ruskogo vojska v pohod v «Skazanii o Mamaevom poboishche» i ego istochnik // Lestvica : Mat-ly nauchnoj konf. po problemam istochnikovedeniya i istoriografii pam. prof. V. P. Makarihina. Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo (22 maya 2003 g.). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta, 2005. S. 209—213.

Povesti o Kulikovskoj bitve / Izd. Podgot. M. N. Tihomirov, V. F. Rzhiga, L. A. Dmitriev. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959 (Lit. pamyatniki). 511 s.

Povest' o Temir-Aksake // BLDL. SPb., 1999. T. 6. 583 s.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. T. 1: 1649—1675 gg. SPb.: Pechatano v Tipografii II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. 1073 s. Elektronnyj resurs: <https://www.runivers.ru/lib/book3130/9809>

Prohorov G. M. Pahomij Serb (Logofet) // Slovar' knizhnikov. Vyp. 2: Vtoraja polovina XIV—XVI v. Ch. 2 (L—Ya). L., 1989. S. 167—177.

Prohorov G. M., Salmina M. A. «Slovo o zhit'i i o prestavlenii velikago knjazja Dmitrija Ivanovicha, carja Ruskago» // Slovar' knizhnikov. Vyp. 2: Vtoraja polovina XIV—XVI v. Ch. 2 (L—Ya). L., 1989. S. 403—405.

- PSRL. T. 2: Ipat'evskaja letopis'. SPb., 1908.; 2-e izd., reprint: M., 1962.
- PSRL. T. 4. Ch. 1: Novgorodskaja četvertaja letopis'. M., 2000.
- PSRL. T. 8: Prodolženie letopisi po Voskresenskomu spisku. M., 2001.
- PSRL. T. 25: Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka: M.; L., 1949; 2-e izd., reprint: M., 2004.
- Russkaja istoričeskaja biblioteka. SPb., 1880. T. 6, ch. 1: Pamjatniki drevnerusskogo kanoničeskogo prava (XI—XV v.). To zhe. 2-e izd. SPb., 1908. 682 s.
- Salmina M. A.* 1) K voprosu o vremeni i obstojatel'stvah sozdanija «Skazanija o Mamaevom poboishče» // TODRL. SPb., 2004. T. 56. S. 251—264; 2) K voprosu o datirovke «Skazanija o Mamaevom poboishče» // TODRL. L., 1974. T. 29. S. 98—124.
- Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve. L., 1982. 422 s.
- Skrynnikov R. G.* Kulikovskaja bitva : Problemy izučeniija // Kulikovskaja bitva v istorii i kul'ture našej Rodiny : Mat-ly jubilejnoj nauch. konf. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta, 1983. S. 43—70.
- Slovar' russkogo jazyka XI—XVII vv. M.: Nauka, 1992. Vyp. 18. 288 s.
- Slovar' filozofskih terminov / Pod red. prof. V. G. Kuznecova. M.: Infra-M, 2007; M., 213. 730 s.
- Slovo o zhitii velikogo knjazya Dmitrija Ivanoviča / Podgot. teksta, per. i komm. M. A. Salminoj // BLDL. SPb.: Nauka, 1999. T. 6. S. 206—227.
- «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla : K voprosu o vremeni napisanija «Slova». M.; L.: Nauka, 1966. 618 s.
- Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranjashchihša v gosudarstvennoj kolegii inostrannyh del. M.: Tip. N. S. Vsevoložskogo, 1813. Ch. 1. 533 s.
- Sokolova L. V.* 1) Kak skladyvalos' literaturnoe predanie o blagoslovenii Sergiem Radonežskim Dmitrija Donskogo na Kulikovskuju bitvu // IX Čtenija po istorii i kul'ture Drevnej i Novoj Rossii : [K 700-letiju prepodobnogo Sergija Radonežskogo] : Mat-ly nauch. konf. (Jaroslavl', 25—27 sent. 2014 g.) / Pod red. L. V. Sokolovoj. Jaroslavl': ID «Kancler», 2016. S. 62—89; 2) Kuda «shibla slava» o Kulikovskoj bitve? : (K voprosu o «spiske gorodov» v Prostrannoj i Kratkoj redakcijah «Zadonshchiny») // Knizhnye centry Drevnej Rusi : Knizhnik i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrja. SPb.: Izdatel'stvo «Pushkinskij Dom», 2014. S. 173—191; 3) Istorija voznikovenija i osobennosti pamjatnikov Kulikovskogo cikla // Russkaja literatura. 2020. № 3. S. 153—164; 4) Pervonachal'na li Kratkaja redakcija «Zadonshchiny»? (V svjazi s novejšimi rabotami o vzaimootnošenii «Slova o polku Igoreve» i «Zadonshchiny») // TODRL. SPb.: Nauka, 2014. T. 62. S. 673—724; 5) Soderžal li avtorskij tekst «Skazanija o Mamaevom poboishče» vstavki iz «Zadonshchiny»? : (K voprosu o vzaimootnošenii pamjatnikov) // TODRL. T. 65. SPb.: Rostok, 2017. S. 101—121.
- Sreznjevskij I. I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. SPb., 1902. T. 2. 1802 stb.
- Tihomirov M. N.* 1) Kulikovskaja bitva 1380 goda // Povesti o Kulikovskoj bitve. M., 1959. S. 335—376; 2) Srednevekovaja Moskva v XIV—XV vekah. M.: Izdatel'stvo MGU, 1957. 320 s.
- Filaret, mitr. Moskovskij i Kolomenskij.* Prostrannyj Pravoslavnyj Katihizis Pravoslavnoj Kafolicheskoj Vostočnoj Cerkvi. M.: Sibirskaja Blagozvonnica, 2013. 160 s.
- Chivilihin V. A.* Pamjat': Roman-esse. M.: «Sovremennik», 1982. 767 s.
- Shahmatov A. A.* Obozrenie russkij letopisnyh svodov XIV—XVI vv. M.; L., 1938. 374 s.
- Shahmatov A. A.* Otzyv o sočinenii S. Šambinago: «Povesti o Mamaevom poboishče». SPb., 1906 // Otchet o dvenadcatom prisuzhdenii Imperatorskoj Akademiej nauk premij mitropolita Makarija v 1907 g. SPb. 1910. S. 79—204.
- Šchennikova L. A.* Vladimirskaia ikona Božhie materii // Pravoslavnaia enciklopedija. M., 2005. T. 9. S. 8—38.
- Šibaev M. A.* Efrosin Belozerskij i Pahomij Logofet : (K voprosu o znakomstve dvuh knizhnikov XV v.) // Istoriografija, istočnikovvedenie, istorija Rossii X—XX vv. : Sb. statej v chest' Sergeja Nikolaeviča Kistereva. M., 2008. S. 14—18.
- Jablonskij V. M.* Pahomij Serb i ego agiograficheskie pisanija : Biografičeskij i bibliografičeski-literaturnyj očerok. SPb.: Sinod. tip., 1908. 314 s.